

Дариу Мурейра де Каштру Алвеш

ЛУЗОФОНИЯ И СОДРУЖЕСТВО СТРАН ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Очевидно, что не только языки и культура сегодня придают особую окраску стратегическим проектам разных стран в самых разнообразных областях их взаимоотношений. Наряду с геополитикой возможно было бы говорить и о глоттополитике, сделав центром ее изучения язык и культуру той или иной нации и предаваясь теоретическим размышлениям об их важности и значении на уровне как региональном, так и мировом. Я бы осмелился дать рабочее определение глоттополитики как доктрины, практики или дисциплины, которая бы включала в себя и систематически изучала отношения одного государства или нации с другими как в региональном, так и в многостороннем плане с точки зрения положения языка как инструмента присутствия в международном сообществе и места в нём. Она изучала бы такие причины престижа того или иного государства или нации, как функции языка их народа. Сегодня все это стало весьма актуальным благодаря удивительному развитию за последние десятилетия международных средств массовой информации: телевидения, радио, телефона и их производных — факса и Интернета, а также искусственных спутников связи, что привело к взаимодействию народов во всех планах и на всех уровнях и чрезвычайно широкому взаимопроникновению в области культурной жизни — спектаклей и культурных, художественных, религиозных, спортивных и прочих программ. Мы живем в эпоху массовой культуры в планетарном масштабе. Фильм, телеспектакль, театральная или музыкальная пьеса, опера, концерт, книга — все это, созданное в больших центрах, может соединиться между собой и породить бесконечную цепь актов и практики коммуникации, а также ее потребления. И все это может быть весьма разнообразным и охватывать самые разные средства информации. Поэтому я и предлагаю изучать дисциплину, называемую мною глоттополитикой. Применительно к моей теме речь идет прежде всего о присутствии и престиже португальского языка в мире и об условиях, которые следует предпринять для полноценного развития Содружества стран португальского языка, созданного в Лиссабоне 17 июля 1996 г.

Если встать на формальную точку зрения, история Содружества стран португальского языка коротка и ее истоки восходят к 1993 г. Но если встать на более широкую и неформальную точку зрения, как обычно подчерки-

вает посол Бразилии в Португалии Жозе Апаресиду де Уливейра, то Содружество «существует» уже 500 лет и ему не хватало только формальной структуры. Рассмотрим факты, относящиеся к созданию этого нового Содружества, начиная с соображений лингвистического и историко-культурного характера.

Под соображениями лингвистического характера понимаются факты, относящиеся к значительности и богатству португальского языка, то есть к лузофонии. Чтобы очертить пространство, на котором говорят по-португальски, нам придется побывать на четырех континентах в компании очень разных групп людей, иногда очень больших, а иногда весьма ограниченных в количественном отношении. Только в семи странах португальского языка сегодня проживает около 200 миллионов человек. К ним следовало бы прибавить португальских иммигрантов, разбросанных по разным уголкам мира. Что касается бразильцев, проживающих за пределами своей страны, считается, что их сейчас около полутора миллионов человек и живут они прежде всего в Японии, США и странах Европейского союза. Предполагается, что более миллиона иммигрантов из Португалии, Мозамбика и Анголы находятся в ЮАР и соседних с ней странах. Диаспора выходцев с Островов Зелёного Мыса более многочисленна, чем население самого архипелага. Примечательно, что португальский язык продолжает присутствовать на азиатских территориях — в Гоа, Макао и Тиморе. По крайней мере 4,5 млн. португальцев живут за пределами Португалии — во Франции, ЮАР, США, Канаде, Венесуэле, Бельгии, Люксембурге, не говоря уже о Бразилии, стране того же самого языка, и о некоторых других странах.

Согласно данным Французской академии, население Земли говорит на 2796 различных языках, не считая нескольких тысяч диалектов, которые она определяет как упрощенные варианты звуков, знаков и письменных обозначений соответствующего языка, обязанных своим возникновением историческим факторам, традициям, социально-политическим изменениям, религиозным предписаниям и т. д. По мнению Бенедиту Силвы, автора книги «Португальский язык в мировой культуре», посвященной десяти наиболее распространенным языкам мира и опубликованной пять лет тому назад при поддержке Фонда имени инженера Антониу де Алмейды в Порту и Фонда имени Жетулиу Варгаса в Рио-де-Жанейро, португальский язык по распространенности занимает седьмое место в мире. Таблица, приведенная Бенедиту Силвой, показывает, что на португальском языке говорят около 190 миллионов человек и он находится среди десяти самых распространенных языков, во главе которых стоит китайский, а за ним следуют английский, хинди, испанский, русский и арабский. За португальским идут французский, бенгали и японский. После английского и испанского языков португальский по распространенности на Западе занимает третье место.

Университет в Сизтле (США) приводит несколько иные данные: существуют тринадцать языков, на которых говорят более 100 миллионов

человек, и располагаются эти языки (неважно, родные для говорящих или нет), согласно данным 1995 г., в следующем порядке: китайский (мандарин) — 975 млн. человек; английский — 478 млн.; хинди — 437 млн.; испанский — 392 млн.; русский — 284 млн.; арабский — 225 млн.; бенгали — 200 млн.; португальский — 184 млн.; малайско-индонезийский — 159 млн.; японский — 126 млн.; французский — 125 млн.; немецкий — 123 млн.; урду — 122 млн.

В этот список не вошли по крайней мере 14 языков, на которых говорят более 50 миллионов человек: пенджабский — 95 млн.; корейский — 75 млн.; телугу, язык Юго-Восточной Индии, — 74 млн.; тамильский (Индия и Шри-Ланка) — 71 млн.; кантонский (юг Китая) — 70 млн.; ву (район Шанхая, Китай) — 66 млн.; итальянский — 63 млн.; турецкий — 60 млн.; тагалог (Филиппины) — 54 млн.; тайский — 51 млн.; миннан (юго-восток Китая, Тайвань, Малайзия) — 50 млн.; суахили (Кения, Танзания, Заир, Уганда) — 50 млн.

Жуан Малака Каштелейру, профессор филологического факультета Лиссабонского университета, в статье, опубликованной в боннском журнале «Кадрнуш жерману-бразилейруш» («Германо-бразильские тетради»), выдвинул иной критерий определения значимости языка: он зависит от количества стран, в которых на нем говорят и пишут и где он является родным или государственным. Согласно этому критерию, первое место занимает английский язык, на котором говорят в 47 странах; второе — французский, в 26 странах; на третьем месте находится арабский — в 21 стране; на четвертом — испанский, в 20 странах; и на пятом — португальский, являющийся родным языком для двух стран — Португалии и Бразилии — и официальным языком еще в пяти странах — Анголе, на Островах Зеленого Мыса, в Гвинее-Биссау, Мозамбике и на Сан-Томе и Принсипе. Таким образом, португальский язык распространен на трех континентах.

Португальский язык

По распространенности в США португальский язык стоит на десятом месте, и на нем говорят 430 тыс. человек. Его опережает испанский язык, на котором говорит примерно на 17 тыс. человек больше, что объясняется большой миграцией испано-американцев в США. Хотя португальцы оставили Малакку около 400 лет тому назад, до сих пор в одном из районов Малайзии рыбаки говорят на архаическом португальском языке паппа криштан, или криштанг, который сейчас является предметом лексикологического исследования. На заре современной эпохи португальский стал первым европейским языком, принявшим на себя миссию международного общения, — так же мнение разделяет профессор Каштелейру, цитируя южно-африканского профессора Мариуса Валхоффа, который подчеркивает особую роль португальского языка: «Прежде чем французский язык стал мировым в XVIII веке, а английский в XIX, эту роль исполнял португальский язык». Действительно, есть очень много свидетельств о том, что «в XVI, XVII и даже XVIII веках

языком общения европейских мореплавателей с обитателями прибрежных районов Африки и Азии был португальский язык». В 1527 г., во времена короля Жуана III, когда еще не началась интенсивная колонизация Бразилии, но когда португальцы уже появились на Азорах, Мадейре, Островах Зеленого Мыса, на африканском побережье и в Азии, была проведена первая перепись населения, согласно которой население Португалии составляло 1 млн. 220 тыс. человек. Менее чем через пять столетий на португальском языке стало говорить около 200 млн. человек. Если когда-то на португальском языке говорили на территории площадью 92 тыс. кв. км, то сейчас эта площадь увеличилась на 10 млн. 500 тыс. кв. км, достигнув 8% обитаемой территории мира. Профессор Каштелейру замечает, что в масштабах земного шара на португальском языке в качестве родного или государственного говорят 3,8% населения Земли.

Содружество стран португальского языка

Наряду с языком в бывшие португальские колонии в Америке и Африке приходили различные элементы португальской культуры, которые в течение веков, вступая в контакт с элементами местной культуры, создавали использованные индивидуальности цивилизации. Однако эти цивилизации сохраняли и черты своего исконного родства, что впоследствии позволило обнаружить в них сходства и параллели, которые, в свою очередь, создали условия для работы над большим проектом, который позволил бы им сблизиться между собой. Таким образом, идея Содружества стран португальского языка родилась из понимания этих черт сходства, опирающихся на поддержку одного и того же языка.

Можно считать, что первой организацией, созданной в духе этого Содружества, стал Международный институт португальского языка. В 1989 г. президент Бразилии Жозе Сарней собрал в Сан-Луише (Мараньян) первую встречу на высшем уровне глав государств и правительств Бразилии, Португалии и африканских стран, в которых португальский язык является государственным. Вел эту встречу посол Жозе Апаресиду де Уливейра, в то время министр культуры Бразилии и горячий приверженец идеи Содружества. Встреча приняла Устав Института, определяющий его основные цели, а именно:

- а) защищать португальский язык как общее наследие стран и народов, употребляющих его в качестве национального или государственного;
- б) поддерживать обогащение и распространение португальского языка как основы культуры, образования, информации и доступа к научно-техническим знаниям;
- в) развивать культурные связи между всеми странами и народами, говорящими на португальском языке;
- г) поддерживать сотрудничество, исследования и обмен специалистами в области языка и культуры.

К сожалению, Международный институт португальского языка по причинам политико-бюрократического характера до сих пор еще не начал своей деятельности. К трудностям культурного и лингвистического характера прибавились факторы, вызванные глубокими изменениями в международных отношениях. Падение Берлинской стены знаменовало собой конец холодной войны и начало нового исторического периода. Острый конфликт между двумя идеологиями уступил место новой динамичной политике, стимулирующей возникновение новых международных образований. Двухполюсный мир стал миром более открытым, более терпимым, более склонным к диалогу, более демократическим.

Что касается дипломатических организаций, этот новый период в развитии международных отношений ознаменовался появлением простых и гибких структур, производных от собраний представителей тех или иных стран, ставящих своей целью защиту общих ценностей и интересов. На это указанные структуры призваны реагировать эффективно, быстро и экономично. Поэтому Содружество, создавшееся в те времена, вписывалось во внушительный ряд международных организаций, которые на жаргоне современной дипломатии назывались коалициями «с подвижной геометрией», то есть ассоциациями, открытыми для всех стран со сходными между собой целями. Подобные организации приобретают все больший вес в международных отношениях. Примеры некоторых из них — Зона мира и сотрудничества в Южной Атлантике (ЗМСЮА), Группа Рио-де-Жанейро, Иберо-Американская Конференция, Содружество по развитию стран Южной Африки (СРСЮА).

В этом контексте Содружество стран португальского языка могло бы еще и создать точку пересечения взаимных интересов региональной экономики, представленной такими организациями, как Меркасул, Союз Европы, уже упоминавшееся Содружество по развитию стран Южной Африки. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, как сказал посол Бразилии в США Паулу Тарсу Флеша де Лима, Содружество может сыграть большую роль при получении средств от международных финансовых организаций, например Всемирного Банка, так как наблюдается тенденция предоставлять приоритетную поддержку проектам скорее социального, чем чисто экономического характера.

Создание Содружества стран португальского языка

В январе 1993 г. Жозе Апаресиду де Уливейра был назначен главой бразильской дипломатической миссии в Португалии, и в марте того же года он направил президенту Итамару Франку предложение о создании Содружества стран португальского языка. Тогда только что начал действовать Союз Европы (с 1 января 1993 г.), в который входила Португалия; бразильская инициатива как бы напоминала стране Великих географических открытий и колонизации об атлантическом измерении ее истории.

Президент Итамар Франку одобрил это предложение и передал его в письменном виде своим коллегам из Анголы, с Островов Зеленого Мыса, из Гви-

неи-Биссау, Мозамбика, Португалии и Сан-Томе. С этих пор посол Жозе Апаресиду де Уливейра начал настоящий крестовый поход во имя создания Содружества. Он всецело посвятил себя этому, сознавая высокую значимость этой миссии. Прежде всего он вручил президентское послание каждому из его адресатов. Предложение Бразилии было единогласно одобрено главами государств и правительств стран португальского языка.

После окончания первого периода подготовки Содружества и вручении письма президента Итамара Франку наступило время напряженного размышления и мобилизации тех слоев общества, которые были прежде всего в состоянии отозваться на предложенную идею своими инициативами и концепциями. Эта цель была достигнута путем проведения круглых столов, публикацией статей и интервью с теми, кто мог внести существенный вклад в развитие начавшегося процесса. Началось же все с заседания круглого стола, проведенного газетой «Журнала ду Бразил» в октябре 1993 г. в Рио-де-Жанейро. Одна из его исходных предпосылок заключалась в том, что язык играет фундаментальную роль в современных международных отношениях, ибо сейчас границы устанавливаются скорее с учетом историко-культурных факторов и существования общих культурных ценностей, чем экономического сотрудничества. Селсу Амурин, в то время министр иностранных дел Бразилии, заметил в своем послании этому круглому столу: «Общественность Бразилии и стран португальского языка все более осознаёт, что неизбежное сотрудничество между этими странами как на государственном, так и на других уровнях таит в себе широкий спектр возможностей, среди которых, помимо сотрудничества в области политики, подразумевается обмен в области культуры, науки и техники, а также экономики. Поэтому пришло время осуществлять это сотрудничество на практике».

Было подчеркнуто значение Содружества для укрепления традиций каждой из стран — его членов, а также возможности его влияния на мир в XXI в., ибо Содружество основывается на духовных и этических ценностях, отличающихся от тех, что являются производными от кальвинистской философии, согласно которой время — это деньги и на которой держится высокоразвитое общество. Лузо-афро-бразильские цивилизации сумели сохранить формы общения, основанные на чувствах взаимной симпатии, что может обогатить собою духовный облик человека XXI в. Внутри Содружества установился дух братства и благородства, в котором выражение взаимной привязанности, не переходя в приторную сентиментальность, отличается истинным величием.

Было рассмотрено положение португальского языка в пяти африканских странах и было признано, что там он является главным средством национальной интеграции. Этот факт подводит законодательную базу под его статус государственного языка этих стран. Круглый стол пришел к согласию в понимании того, что сужение пространства, занятого португальским языком в Африке, могло бы обеднить внешнюю политику каждого из указанных семи государств.

В различных выступлениях затрагивалась проблема силы и слабости португальского языка в африканских странах. Сила его заключается в том, что на протяжении веков португальский язык был средством контакта между этническими общинами, которые иначе были бы обречены на обращение к местным языкам и диалектам. И хотя это очень важно для понимания своей национальной сущности, ибо эти языки и диалекты выражают интересную и достойную уважения культуру коренного населения, но их носители не могут общаться между собой; португальский язык даже является одним из средств формирования этой самой национальной сущности, о чем свидетельствует африканская литература, написанная на португальском языке; кроме того, он является как бы центром сопротивления влиянию англо- и франкоговорящих соседей там, где оно является чрезмерным.

Слабость же заключается в том, что в этих странах, а также и в Бразилии уровень ликвидации неграмотности и распространения образования еще недостаточно высок, и поэтому часть населения этих стран как бы отключена от португальского языка. Надо принять во внимание и риск быть поглощенным англо- или франкоговорящей стихией, что особенно актуально для Мозамбика и Гвинеи-Биссау. Обе страны окружены соседями, говорящими по-английски и по-французски, живущими в государствах с более развитой экономикой. И естественно, что Гвинея-Биссау и Мозамбик сотрудничают с ними, что, по опасениям некоторых, может способствовать вытеснению португальского языка и исчезновению практического спроса на него. Без сомнения, Мозамбик, окруженный с севера, запада и юга шестью странами с населением более 100 миллионов человек, говорящих в основном по-английски, испытывает острый интерес к этому языку.

Второй круглый стол, посвященный Содружеству, был проведен в декабре 1993 г. в Лиссабоне по инициативе газеты «Журнал де Летраш». Сам факт проведения этого круглого стола имел большое политическое значение. Круглый стол открыли Селсу Амуриу, министр иностранных дел Бразилии, и доктор Жозе Мануэл Дуран Баррозу, министр иностранных дел Португалии. В своей речи Селсу Амуриу так определил очередные задачи по созданию Содружества: «Придать организационную форму той реальности, которая составляет часть нашей повседневной жизни, стимулировать ее, придав ей официальный статус. Еще до принятия решения в знак доказательства естественности взаимоотношений между нашими народами различные слои населения наших стран уже установили свои собственные формы сотрудничества». Можно сказать, что на неофициальном уровне Содружество уже существовало и было плодом естественных отношений между семью государствами. Речь шла о том, чтобы придать ему официальный статус и снабдить структурами, которые могли бы наилучшим способом использовать предлагаемые им возможности.

Бразильский министр предложил создать следующие руководящие органы Содружества: раз в два года — встречу глав государств и прави-

тельств; раз в год — встречу Совета, членами которого будут министры иностранных дел семи государств, а параллельно этому — встречи по более частным вопросам на уровне министров. Было предложено создать Парламент народов португальского языка. В области культуры министр порекомендовал создание Международного института португальского языка и Университета семи стран. Наконец, он пригласил министров иностранных дел Анголы, Островов Зеленого Мыса, Гвинеи-Биссау, Мозамбика, Португалии и Сан-Томе встретиться в Бразилии в феврале 1994 г., чтобы обсудить предстоящую встречу глав государств и правительств семи государств, которая должна будет придать официальный статус Содружеству.

В своей сказанной экспромтом речи министр Дуран Баррозу сказал о необходимости придать конкретный характер проекту, необходимости ознакомления с ним всех заинтересованных сторон и осторожности во избежание ошибок, которые бы могли скомпрометировать инициативу, названную им грандиозной. Он упомянул и о том, что Бразилия и Португалия уже являются членами иберо-американского Содружества, так что по отношению к нему афро-лузо-бразильское Содружество несколько запаздывает со своей регистрацией и приданием себе официального статуса.

В заключение он еще раз подчеркнул, что создание Содружества — не самоцель, а средство реализации проекта, призванного дать максимальные возможности для внешнего и внутреннего развития семи государств. Министр иностранных дел Португалии подчеркнул, что в международном масштабе Португалия будет пользоваться большим уважением, если за ее спиной будет стоять целое «Содружество стран португальского языка», «да и самим этим странам членство в Содружестве придаст больший вес».

Третий круглый стол был проведен в январе 1994 г. в Луанде, четвертый — в городе Прайя на Островах Зеленого Мыса, а пятый — в октябре в Бразилии.

Во время всех этих круглых столов открыто обсуждались вопросы, представляющие интерес для Содружества: политические, экономические, социальные, культурные. Пресса освещала эти дебаты, и на них через средства массовой информации откликнулись многие дипломаты, писатели, ученые, преподаватели и журналисты. Бразильский журналист и писатель Алан Виджано издал в ноябре 1994 г. книгу «Досье группы семи: народы и страны португальского языка», изданную Андре Кисе (Бразилиа, 1994). Эта книга (352 с.) представляет наиболее полную подборку материалов на интересующую нас тему: зарождение и эволюция идеи Содружества. Она содержит краткий обзор документов пяти круглых столов, о которых уже шла речь выше, перепечатку статей, комментариев и документов о португальском языке, наиболее важных для создания Содружества. Этот труд охватывает собою период 1993–1994 гг., и автор готовил его с подлинным энтузиазмом под руководством, с бразильской стороны, посла Жозе Апаресиду де Уливейры и «с горячим желанием конкретизировать этот проект».

Проект Содружества стран португальского языка в 1994 г.

10 февраля 1994 г., в соответствии с проведенными в декабре 1993 г. в Лиссабоне дипломатическими переговорами, в Бразилии произошла встреча семи министров иностранных дел. Она носила в некотором роде новаторский характер. Было достигнуто соглашение о том, что Содружество стран португальского языка будет представлять собою инструмент политического урегулирования и сотрудничества в социальной, культурной и экономической областях, «основываясь на полной солидарности и уважении к национальной специфике». Было решено рекомендовать соответствующим правительствам приложить все усилия для создания в максимально короткий срок Международного института португальского языка. Кроме того, министры иностранных дел семи стран обсудили следующие вопросы: 1) проведение уже в первой половине 1994 г. встречи в верхах для утверждения Конституционного акта Содружества; 2) межпарламентское сотрудничество; 3) торгово-экономическое сотрудничество; 4) межуниверситетское сотрудничество и создание в будущем Университета семи стран; 5) распространение книжной продукции; 6) мир в Анголе; 7) мир в Мозамбике; 8) Восточный Тимор; 9) создание в рамках подготовки встречи в верхах постоянной согласительной комиссии, состоящей из шести послов, аккредитованных при португальском правительстве, и одного из высших руководителей португальского МИДа.

Следствием этой встречи в Бразилии стали постоянные переговоры в португальской столице под руководством португальского министра иностранных дел; в результате было решено провести встречу в верхах представителей указанных семи стран португальского языка 28 июня 1994 г. В дальнейшем было достигнуто предварительное соглашение относительно Декларации Содружества стран португальского языка.

За два дня до назначенного срока встреча в верхах была отложена по серьезным политическим причинам. Велико было разочарование, вызванное отменой встречи. Известие об этом было встречено с большим удивлением, тем более что в преддверии встречи на высшем уровне должны были встретиться министры иностранных дел. Но разочарование не перешло в уныние. Прошло немного времени, и заговорили о новой дате встречи — 29 ноября, однако и ее пришлось отменить. В сложившихся в тот момент политических обстоятельствах нельзя было наметить точной даты встречи в верхах. 1995 г. дал возможность оглянуться на пройденный путь. Это была пауза для размышления, но ни в коем случае не для отступления. Превратности судьбы рассматривались как «дорожные происшествия», как вызов, на который предстояло ответить.

В январе 1995 г. президентом и главой правительства Бразилии стал доктор Фернанду Энрике Кардозу. Новым министром иностранных дел Бразилии стал доктор Луиш Фелипе Лампрейа, бывший посол Бразилии в Лиссабоне, предшественник Жозе Апаресиду де Уливейры на этом посту. В речи при вступлении в должность, говоря о политических и эконо-

мических организациях консультационного или согласительного характера, в которые уже входила или желала бы войти Бразилия, он назвал Группу Рио-де-Жанейро, Группу 15, Иbero-Американскую конференцию и Содружество стран португальского языка. Президент Португалии Мариу Суареш, принимая в январе 1995 г. с новогодними поздравлениями аккредитованный в Лиссабоне дипломатический корпус, произнес слова, которые стоит воспроизвести: «По независящим от нас причинам в Лиссабоне не удалось провести встречу, во время которой должно было получить формальный статус Содружество стран португальского языка. Как я уже недавно говорил в новогоднем поздравлении португальцам, я верю, что это Содружество скрывает в себе несомненные благоприятные возможности для всех стран португальского языка, и я возлагаю на него свои сокровенные надежды».

Такой же твердостью и определенностью отмечено отношение и нового португальского правительства под руководством Антониу Гутерреша (он вступил в должность в ноябре 1995 г.) к созданию Содружества. Министр иностранных дел Португалии доктор Жайме Гама в атмосфере всеобщего доверия провел финальные переговоры в Лиссабоне с послами остальных шести стран — членов Содружества. Наконец, в том же духе проявил себя и новый президент Португальской Республики, доктор Жорже Сампайу, вступивший в должность 9 марта 1996 г. Из африканских стран португальского языка также пришли обнадеживающие новости.

Уже в течение 1995 г. на встречах послов шести стран с руководителями португальского МИДа была достигнута договоренность, что 17–18 апреля 1996 г. в Мапуту пройдет встреча министров иностранных дел семи стран, чтобы назначить провозглашение Содружества стран португальского языка на 17 июля 1996 г. в Лиссабоне и утвердить некоторые предварительные документы.

Создание Содружества стран португальского языка

И вот 17 июля 1996 г. в Беленьском культурном центре в Лиссабоне в присутствии глав государств и правительств семи стран португальского языка стало возможным провозгласить создание Содружества стран португальского языка и подписать соответствующую Декларацию. В отношении руководящих органов Содружества было принято намеченное на подготовительных встречах решение, о котором уже шла речь выше.

Согласно Уставу, Содружество — это «организация, в которую входит ряд членов и которая занимается, по преимуществу, развитием взаимной дружбы, выработкой единой политико-дипломатической позиции ее членов и сотрудничеством между ними»; ССПЯ является юридическим лицом и пользуется административной и финансовой самостоятельностью. Ее общие цели таковы: а) достижение политико-дипломатического согласия между членами в области международных отношений, в частности — деятельности в международных организациях; б) сотрудни-

чество, в особенности в области экономики, социальных отношений, культуры, права, науки и техники; в) конкретизация проектов пропаганды и распространения португальского языка.

Более частными целями, согласно Декларации, являются следующие: а) принятие мер для облегчения передвижения по странам — членам Содружества для укрепления человеческих отношений, а также солидарности и братства между соответствующими народами; б) стимулирование распространения и обогащения португальского языка через Международный институт португальского языка; в) развитие культурного обмена и распространение интеллектуального и художественного творчества в португалоязычных странах; г) развитие в некоторых из них взаимодействия между португальским языком и другими национальными языками в смысле их исследования и описания при его помощи; д) расширение сотрудничества и достижение политико-дипломатического согласия, особенно в рамках международных организаций; е) стимулирование межпарламентских связей; ж) экономико-предпринимательское сотрудничество в рамках проектов, представляющих общий двух-, трех- и многосторонний интерес; з) сотрудничество в области университетского и профессионального образования, а также науки и техники; и) твердая поддержка программ реконструкции и реабилитации, а также гуманитарная помощь; к) координация деятельности общественных, частных и неправительственных организаций, связанных с сотрудничеством с ССПЯ; л) принятие мер для решения проблем иммигрантских общин в ССПЯ и согласованность политики в области иммиграции; м) борьба против расизма, расовой дискриминации и ксенофобии; н) двух- и многостороннее сотрудничество в области защиты и сохранения окружающей среды; о) сотрудничество между ССПЯ в широком международном масштабе в области уважения прав человека; п) меры по эффективному улучшению условий жизни детей; р) разработка проектов по улучшению социального положения женщин; с) программы сотрудничества между молодежью, особенно в области образования, культуры и спорта.

Руководящими органами ССПЯ, штаб-квартира которого в начальный период будет находиться в Лиссабоне, являются следующие: Конференция глав государств и правительств, созываемая раз в два года; Совет министров иностранных дел, созываемый раз в год; Комитет политического согласия, собирающийся раз в месяц под руководством представителя страны, гражданин которой возглавляет Совет министров; исполнительный секретариат, под руководством исполнительного секретаря, обязанный проводить в жизнь решения трех указанных выше органов.

Таковы основные направления деятельности и контуры сотрудничества между семью странами в рамках недавно созданного ССПЯ, генеральным секретарем которого является доктор Марселину Мосу из Анголы. Трудно было бы лучше определить цели и более широко очертить области взаимного сотрудничества: политико-дипломатического, общественно-культурного, гуманитарного и экономико-предпринимательского. Главная забота руководителей новой организации — изыскание ресурсов для выполнения столь

важных задач, исходя из минимальной программы приоритетов. Недостаточно разработать проекты совместной деятельности в области образования, здравоохранения, социально-экономического сотрудничества.

Одна из стоящих перед Содружеством задач нуждается в немедленном решении. В ноябре 1989 г. в городе Сан-Луиш в Мараньяне (Бразилия) на первой встрече в верхах представителей семи португалоязычных стран, которая явилась прообразом самого Содружества, было провозглашено создание Международного института португальского языка, просуществовавшего почти семь лет, увы, лишь на бумаге. Нужно было немедленно доставить этот институт на ноги и заставить его выполнять свои основные функции: защиту португальского языка, его распространение, развитие культурных отношений между странами и народами, которые говорят на португальском языке (в этом плане надо подумать также о Макао, Гоа и Тиморе), обмен специалистами в области культуры и языка, поддержку Соглашения об орфографии между семью государствами, подписанного в Лиссабоне в декабре 1990 г.

Во главе Совета министров ССПЯ стоит избранный в день его провозглашения доктор Жайме Гама, министр иностранных дел Португалии, человек, затративший немало сил на создание Содружества и вместе с доктором Антониу Мунтейру проводивший заключительные переговоры в этом направлении.

Проект ССПЯ принадлежит не какой-либо одной стране, а всем странам португальского языка. Только дух солидарности позволил создать ССПЯ. Рассматривая в новом освещении португало-бразильские отношения, сложившиеся после создания ССПЯ, нельзя не процитировать слова Луиша Фелипе Лампрейи, министра иностранных дел Бразилии, сказанные им 17 июля: «Бразилии и Португалии предстоит поработать над тем, чтобы ССПЯ стало действительно Содружеством без малейших претензий на чью-либо гегемонию и лидерство, и над тем, чтобы африканская его часть, представленная пятью странами, расцвела и приобрела на базе солидарности с остальными его членами подлинную политическую зрелость».

Что касается руководящих органов Содружества, то в 1997 г. в Бразилии, в Баие, проведена встреча министров иностранных дел стран семерки, а в 1998 г. — встреча на высшем уровне.

Английский язык. Русский язык

Будучи по степени распространенности вторым языком в мире, английский язык по степени использования во всех областях и на всех уровнях является первым. Английский язык начал завоевывать свои современные позиции начиная с середины прошлого века.

Многие факторы привели к распространению и утверждению англофонии в XIX и XX вв. в мировом масштабе. Информатика и социокультурная информация придали английскому языку уникальное в истории цивилизации значение.

Вместе с тем многие со всей определенностью встают против обладания одной монокультурой, той самой моноглоттической культуры, как я ее называю, против которой выступал посол Жозе Апаресиду де Уливейра, ибо по своей сущности она вряд ли является благотворной для человечества. Следует объединенными усилиями других — лингвистических или же созданных по какому-либо другому признаку — групп воскрешать свою собственную культуру, пропагандировать ее в мировом масштабе, актуализировать ее путем создания адекватной новым технологиям терминологии, более активным и, если возможно, обязательным членством в международных организациях. Нужно выработать сознательное отношение правительств, национальных элит и широкой общественности к этой проблеме — словом, сделать все, чтобы национальные языки оказались востребованными на мировом уровне.

На коллоквиуме, проходившем в 1997 году в Париже в рамках Экспонанг — XV международного салона живых языков, который каждый год проводится во французской столице и темой которого на этот раз было «Содружество стран португальского языка и франкофония», посол Жозе Апаресиду де Уливейра выступил как сторонник составления и организации проектов в рамках сотрудничества романских стран, с тем чтобы противостоять гегемонии английского языка, особенно в Интернете. Сложившуюся неблагоприятную в языковом отношении ситуацию можно преодолеть лишь при помощи целеустремленности и политической настойчивости. На пяти основных романских языках сейчас говорят более 800 млн. человек; ожидается, что к первой четверти нового тысячелетия это число составит миллиард человек. Нужно исследовать возможности возрастания престижа романских стран в области политики, экономики, науки, технологии, культуры, причем в широком понимании этого слова, чтобы суметь противостоять той тенденции к моноглоттической культуре, причем противостоять средствами самой культуры, ибо эта тенденция ведет к определенному «культурному колониализму», которого следует избегать.

Высказанные соображения могут относиться и к другим языкам и культурам мира, которым необходимо отстаивать себя перед лицом претензий на гегемонию одной культуры. В наше время «глобальной деревни» концепции, порожденные целенаправленной и всепроникающей деятельностью современных средств социокультурной информации, сознательность и встречные меры со стороны языковых групп в разных районах мира имеют большое значение для культурной деятельности всех народов или, если угодно, для глоттополитики.

Думаю, что начать можно было бы с создания Международного института русского языка. Это должны были бы сделать правительства России, стран СНГ и других сопредельных государств, которые бы пожелали присоединиться к этому проекту. Его моделью мог бы послужить акт о провозглашении Международного института португальского языка. Русский язык имеет статус официального языка Российской Федерации, со-

гласно § 1 статьи 60 ее Конституции, аналогично португальскому языку, который, согласно статье 13 Конституции 1988 г. Федеративной Республики Бразилия, провозглашен официальным языком страны. На русском языке, занимающем пятое место в мире, говорят не менее 127,3 миллиона жителей Российской Федерации, или 86,6% населения страны, из которых 119,8 миллиона человек — русские, а остальные 7,5 миллиона человек — представители других национальностей. Кроме того, в России проживает 16,4 миллиона человек, которые, не будучи русскими, считают русский язык для себя вторым родным. С другой стороны, по данным 1989 г., в бывших союзных республиках СССР проживают 25,3 миллиона русских по происхождению, что составляет 17,4 % населения этих стран. В целом 69 миллионов человек в других странах являются русофонами, то есть русский язык для них — второй после родного. По этим данным, количество людей, говорящих по-русски, достигает 193,8 миллиона человек в России, в государствах СНГ и других странах.

Международный институт русского языка со штаб-квартирой в Москве стал бы средством усиления роли и значимости языка Пушкина в международном масштабе, что важно как в свете больших изменений, происшедших в России с 1991 г., так и в обстановке параллельных усилий по увеличению престижа и упорядочению других языковых групп в этой части света.

Русский язык преподается более чем в ста странах мира. Существует Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), созданная в 1967 г. в помощь преподавателям русского языка и изучающим русский язык. В 1973 г. основан Институт русского языка им. А.С. Пушкина — научный и учебно-методический центр преподавания русского языка как иностранного. С 1967 г. издается журнал «Русский язык за рубежом». Русский язык входит в Международный клуб языков. Наряду с английским, французским, испанским и китайским он удостоен привилегии быть рабочим языком ООН.

Пути и формы самоутверждения наиболее значимых языков и языковых групп в современном мире весьма разнообразны. Но за этим разнообразием просматривается вполне определенная тенденция.

О. В. Семёнова

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК — ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СИНГАПУРА

Сингапур представляет собой страну с многоэлементной социолингвистической ситуацией.

В 1965 году с обретением Сингапуром независимости было решено определить малайский, китайский, тамильский и английский языки в качестве официальных языков (Singapore, 1996: 3). Малайский язык стал государственным языком Сингапура.

Описание лингвистической ситуации Сингапура в соответствии с типологией Стюарта и Фергюсона по «формуле социолингвистического профиля стран» (Language and Society, 1980: 46) имеет следующий вид: 4L = 4Lmaj (Sow, Sow, Soi, So), где

Lmaj — «большой язык» (количественно-демографическая характеристика), а также лингвистические разновидности языка:

S — литературный;

функциональные уровни (типы) языка:

o — официальный, w — лингва франка или койне, i — интернациональный.

Формула имеет самый общий вид и нуждается в ряде пояснений.

Функция лингва франка присуща малайскому и английскому языкам в осуществлении коммуникации между различными этническими группами. Однако существуют также коммуникации на диалектном уровне. Этот уровень обслуживается путунхуа, фуцзяньским и в меньшей степени кантонским диалектом (имеется в виду китайский язык). Функция интернационального языка отведена здесь английскому и китайскому языкам (Sow и Soi). Критерием выбора является то, что эти языки входят в число официальных языков ООН (Language and Society, 1980: 47). С учетом других критериев малайскому языку также можно было бы приписать функцию интернационального языка, играющего роль регионального языка для Малайзии и Индонезии.

Таким образом, социолингвистическая ситуация Сингапура представляет собой функциональную иерархию языков, где китайский язык представлен как официальный интернациональный язык.

Без учета критериев диалектов и языков формула для китайского языка в форме путунхуа и основных диалектов может быть такова: 5L = 2Lmaj (Soi, Vg) + 3Lmin (3Vg), где Lmin — «малый язык» (в качестве родного

языка его должны признавать не более 25% и не менее 5% населения, в то время как «большой язык» родным должны считать более 25% населения или более 1 млн. человек; он может быть официальным языком и также может являться языком обучения для более чем 50% выпускников средней школы страны (Language and Society, 1980: 45); V — местный язык; g — этнический (язык, используемый для «внутриэтнической» коммуникации) (Виноградов и др., 1984: 8).

Статусом «большого языка» в Сингапуре обладает путунхуа (мандарин) и фуцзяньский диалект (хоккиен). Официальный язык и диалект родным языком признают 30% населения. Понимают путунхуа 63,9% взрослого населения страны, а фуцзяньский диалект — 77,9% (Language and Society, 1980: 44).

«Малые языки» Сингапура — это диалект чаочжоу, кантонский и хайнаньский (родным языком их признали соответственно 17%, 15,1% и 5,2% населения). Диалект чаочжоу понимают 59,7% сингапурцев, кантонский — 63,2%. По хайнаньскому диалекту сведений нет (Language and Society, 1980: 44).

Фуцзяньский диалект играет роль языка-посредника в условиях коммуникации между представителями различных диалектных групп китайского языка. Путунхуа уступает фуцзяньскому диалекту и является вторым языком-посредником в этих коммуникациях. Владеют фуцзяньским диалектом 97% сингапурских китайцев, а путунхуа — 82%.

Являясь местным языком и не будучи языком обучения в школах, а также не будучи активно используемым средствами массовой информации, фуцзяньский диалект, несомненно, в течение еще долгого времени будет оставаться самым распространенным среди китайского населения Сингапура диалектом, однако количество владеющих им людей может уменьшиться. Как местный и этнический, фуцзяньский диалект используется в более традиционных сферах общения: на рынке (в магазинах будет выбран путунхуа); в кинотеатрах или в концертных залах языком общения, скорее всего, станет путунхуа, тогда как языком национальных праздников будет диалект (Eddie C.Y. Kuo, 1976: 52). Это, вероятно, справедливо и для других диалектов, сфера употребления которых ограничена традиционными рамками.

Относительный языковой статус китайского языка может быть проиллюстрирован следующими данными: понимают путунхуа 3% малайцев, 1,7% индийцев; фуцзяньский диалект понимают 15% малайцев, 8,7% индийцев (Language and Society, 1980: 48). Китайский язык (путунхуа и фуцзяньский диалект) стоит на третьем месте после малайского и английского языков. Необходимо отметить, что для сингапурских китайцев и малайский и английский языки также имеют значение как средство общения между различными языковыми группами. Кроме того, нужно подчеркнуть, что фуцзяньский диалект и путунхуа используются преимущественно в пределах китайской общины. Китайцы, как самая большая этническая группа Сингапура, демонстрируют наиболее сложные и разнообразные языковые связи. Одной из главных тенденций этих связей в

последнее время явилось стремление путунхуа завоевать позиции лингва франка. Этому способствует проводимая с 1978 года по инициативе бывшего премьер-министра Ли Куан Ю кампания по распространению путунхуа и ликвидации языковых диалектных барьеров внутри китайской общины (Китайские этнические группы, 1986: 101–102).

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.А., Ковалев А.И., Пархомовский В.Я. Социоллингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984.

Никольский Л.Б., Охотина Н.В. Проблематика социоллингвистических исследований в советском востоковедении // Теоретические проблемы восточного языкознания. М., 1982.

Сингапур. Справочник. М., 1989.

Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986.

Language and Society in Singapore, 1980.

Eddie C.Y. Kuo. A Sociolinguistic Profile of Singapore. Singapore, 1976.

Singapore. Facts and Pictures. Singapore, 1996 (Ministry of Information and Art).

Ольга Зацепина, Хулио Родригес

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ЯЗЫКОВЫХ ЦЕННОСТЯХ США

Ученые,¹ занимающиеся культурной антропологией, считают, что динамику культуры определяет игра противоречий. Эти противоречия оказывают влияние как на политическое поведение американцев, так и на их язык. Если рассмотреть обстоятельства последних президентских выборов в США, можно установить их связь с ролью английского языка и языков национальных меньшинств в американском обществе.

К тому времени, когда была написана Конституция США, основатели «новой нации» выработали систему ценностей, имеющую в своей основе отношения колонистов с правительствами их родных стран и с английским правительством американских колоний. Согласно одной из этих ценностей, управление должно осуществляться народом, соответствовать демократическим принципам, и решения должны приниматься большинством голосов членов сообщества (один человек — один голос). В небольших городах колониальной эпохи этот принцип находил отражение в городских собраниях, где люди голосовали по вопросам, которые могли оказать прямое влияние на жизнь их сообщества. Идея собраний заключалась в том, что на них можно было обсудить противоречия и подтолкнуть некоторых его участников к изменению своей точки зрения. Всякий знал, что его выслушают, хотя, возможно, и не согласятся с ним, и решение, принятое большинством голосов, будет обязательным для всего сообщества. Следствием этого была забота об интересах меньшинства. Недостаточно было учитывать цифры, необходимо было также защитить целостность национальных меньшинств.

Эти ценности противоречивы, их непросто реализовать и по сей день. Борьба противоречий привела к тому, что в конституционном порядке была принята специальная политика, позволяющая сохранить равновесие между этими двумя грандиозными целями: управлением большинства и заботой о меньшинстве. Это так называемое конструктивное противоречие нашло отражение в знаменитой политике «сдержек и противовесов» в институте президентства. Данная модель применяется и в исполнительной власти, которая находится в постоянной оппозиции Конгрессу, и в судебной власти, которая иногда является посредником между ними, но временами создает и собственные противоречия, а также в других слоях общества и управления, которые тоже находятся в противоре-

чий друг с другом, но, как правило, умеют найти компромиссное решение. Это процесс, который приводит к принятию определенного решения независимо от того, кто это решение принимает.

Противоречие ценностей выступает в формуле «равенство против индивидуальности (разнообразия)». Несправедливо уравнивать понятия «быть отличным от кого-либо» и «быть хуже». Все люди созданы равными, но следует признать, что они неодинаковы, и этот факт не должен служить поводом для преследования. Людям должно быть позволено быть самими собой. Использование языка в США также отражает эти ценности.

Американцы чтят закон. Это относится и к вопросу о языке. Одним из важных следствий этого является то, что члены Конгресса, как Палаты представителей, так и Сената, с осторожностью отнеслись к закону об официальном языке (английском) и к другим относящимся к этой теме законам. Но если этот закон примут, то он утвердит всем известный факт, что официальным языком США является английский, хотя, с другой стороны, это повлечет за собой правовые последствия и в других сферах управления. Так, например, закон может ввести преподавание в школах только на английском языке, запретив обучение на двух языках. Подобные законы, как известно, имеются во многих штатах, но закон об официальном языке может быть использован, чтобы запретить подобное обучение на двух языках во всех штатах. Кроме того, такой закон воспрепятствует выделению средств из федерального бюджета на исполнение федерального законодательства в тех случаях, когда используется не английский язык; это:

- миграционные процедуры, где должно быть обеспечено присутствие переводчиков;
- соответствующие процессы в федеральных судах, где стороны, не говорящие на английском языке, должны иметь переводчиков;
- система здравоохранения для иммигрантов, обеспечивающая персонал, владеющий двумя языками, для ухода за неанглоязычными больными;
- право голоса, согласно которому необходимо предоставлять информацию о выборах на других языках там, где 5% населения или более 10 000 человек плохо владеют английским.

Принцип «власть большинства — защита меньшинства» — это и есть противоречие ценностей, которое напрямую влияет на языковую политику в США. Большинство населения страны говорит на английском языке. Было бы логичным ожидать этого от всех граждан. Но ради уважения к национальным меньшинствам и для защиты их прав следует признать, что у них есть право отличаться от большинства населения и право получать информацию на том языке, который они знают. Справедливость требует, чтобы они пользовались своим родным языком, когда это необходимо. Личная свобода, право на индивидуальность должны быть соблюдены и в области языка. Если, однако, обеспечение права на различия ляжет тяжким бременем на большинство населения, это может вызвать негативную реакцию по отношению к другим языкам.

Джеймс Кроуфорд подробно анализирует эту проблему в статье «Сущность движения за использование только английского языка». Он считает, что по крайней мере внешне движение за использование только английского языка пользуется большой популярностью, но в то же время ущемление права этнических меньшинств употреблять свой родной язык воспринимается большинством неоднозначно.

Кроуфорд заявляет: «Надо смотреть в глаза реальности: набирающая сегодня силу тенденция направлена против билингвизма. Насколько глубоко она укоренилась и что она выражает — уже более сложные вопросы. Когда американцам задают простой вопрос: «Должен ли английский язык быть государственным языком?», — то эта идея оказывается весьма популярной. Различные варианты этого вопроса получили 60–90% голосов в поддержку этой идеи, согласно опросам общественного мнения и результатам голосований. Результат подтвердился в каждой демографической категории: по возрасту, полу, размерам дохода, уровню образования, политическим и идеологическим пристрастиям, — по всем, кроме категории этнической принадлежности. Самыми горячими противниками этих мер были выходцы из Латинской Америки, хотя даже их мнения иногда колебались (Шмид, 1952). С другой стороны, когда организуются опросы на тему, стоит ли правительству ограничивать сферу функционирования языка меньшинств или сократить двуязычные службы, политика защиты английского языка как единственного средства общения теряет значительное число своих сторонников».

Существует явление, которому не всегда придают значение при обсуждении использования английского языка в США, — это распространение английского языка по всему миру. Джон Нэбитт (Нэбитт, 1995) утверждает, что «английский язык становится универсальным языком всего мира», на котором говорят свыше 1 миллиарда жителей планеты и который используется в 85% международных телефонных звонков. Если такое количество людей во многих странах готовы принять английский язык как универсальное средство общения, одновременно сохраняя свой родной язык, то почему американским законодателям нужно навязывать английский язык в стране, чьи граждане давно уже приняли его без всякого давления? Жизнь показала, что каждое новое поколение иноязычных людей, прибывающих в США, в достаточной мере овладевает языком своей новой родины.

В основании статуи Свободы выгравированы поэтические строки: «Приведите ко мне ваших усталых, бедных и голодных, которые хотят свободно дышать и которых отвергли ваши людные берега». Эти слова обобщают ценности и политику страны по отношению к иммигрантам. Статуя Свободы как бы встречает с распростертыми объятиями всех иностранцев с их менталитетом и с их языками. Возможно, это и в действительности так, а может быть, и нет. Для многих американцев степень признания иностранцев, которые приехали на постоянное жительство, основывается на том, как быстро они перенимают культуру жителей страны —

«настоящих» американцев. Аккультурация проявляется в манерах, стиле одежды, поведении и во многих явных и скрытых признаках, но больше всего она проявляется в языке. Английский язык — это язык «племени», и стать членом этого племени без знания английского очень трудно, практически невозможно. Даже при наличии акцента иммигранты могут чувствовать себя частью племени и в какой-то мере восприниматься как свои, но только в том случае, если они говорят по-английски.

Те, кто создал Соединенные Штаты Америки, надеялись, что эта страна станет домом для «новой расы людей», которые бы отказались от приверженности старым нациям, старым обычаям, старым культурам и старым языкам ради создания «нового племени». Те, кого тревожит потеря Америкой этой мечты и раскол на разнообразные культуры, считают, что именно английский язык служит основным средством соединения граждан страны в единый народ. Артур М. Шлезингер, один из таких людей, очень ясно высказывается по этому поводу (Шлезингер, 1992).

Он говорит: «Использование неанглийского языка обрекает людей на судьбу граждан “второго сорта” в американском обществе». Он поддерживает свое заявление цитатой из американского писателя мексиканского происхождения Ричарда Родригеса, который затрагивает многие из противоречивых ценностей, которые мы упоминали: «Мне было бы приятно, если бы мои преподаватели обращались ко мне по-испански. Но я бы отстал в изучении языка общества. Только тогда, когда я смог бы думать о себе как об американце, более не чужаке в обществе англоязычных, я стал бы стремиться к правам и возможностям для достижения полной общественной независимости».

Прием иммигрантов, не говорящих по-английски, не всегда был в США столь радушен, как можно подумать, глядя на статую Свободы. Начиная с создания первых колоний предпринимались всевозможные усилия, прямые и косвенные, чтобы сделать английский официальным языком в стране. Одна из самых последних мер в этом направлении была принята 7 ноября 2000 г. в Аризоне, где законопроект 203, согласно которому преподавание в школе должно вестись только на английском языке, был принят при поддержке 61% голосов. С таким же преимуществом голосов и с той же целью 2 июня 1998 года был принят законопроект 227 в штате Калифорния. В соответствии с этими законами двуязычное образование больше не рассматривается как возможный вариант обучения в школе. Эти законопроекты отражают не только педагогические предпочтения, но и общую законодательную тенденцию в пользу английского языка как единственного.

Возвращаясь к идее «конструктивного противоречия», можно наблюдать, как она реализуется в отношениях между отдельными штатами и федеральным правительством США. Штат сам по себе обладает правом управления на местах, в особенности это касается тех органов власти, которые не относятся к федеральному правительству, так что штат может принять закон, отражающий мнение населения данного штата. Это, однако, не должно противоречить федеральному законодательству. Так,

например, Калифорния и Аризона могут принять закон о языке, исключаящий двуязычное образование на территории этих штатов, поскольку не существует федерального закона по этому вопросу. Следует обратить внимание на то, что на территории этих штатов проживает значительное количество носителей испанского языка, поскольку эти штаты включают в себя территории, захваченные США во время Мексиканской войны. Но, если в 1890 году на английском не говорило 28,23% жителей Аризоны, в 1990 году этот показатель составил всего 1%. Возникает ощущение, что попытки упразднить двуязычное образование объясняются не только беспокойством о судьбе английского языка. В Калифорнии, граничащей и торгующей с Мексикой, 100 лет назад по-английски не говорили 8,37% жителей, сейчас этот показатель еще ниже — 2,93%.

Стимулом к принятию законов в области языка во многих штатах страны послужили и другие факторы — социальные и экономические. Области с большим количеством испаноговорящих граждан в особенности рьяно выступают за использование только английского языка. Испаноговорящие американцы и граждане латиноамериканского происхождения скоро составят крупнейшую этническую группу в США. Они уже являются крупнейшим языковым меньшинством. Становится понятным, что жители юго-западных штатов, где история тесно связана с испанской культурой и языком, должны чувствовать некоторую настороженность по отношению к народу, который отличается от них по культурным и языковым признакам. Это может ощущаться как угроза не только для английского языка, но и для традиций и привилегий, которые породило доминирование английского языка и культуры.

К настоящему времени половина штатов приняла различные виды законов об английском языке как официальном. Однако такого закона нет на федеральном уровне. Здесь также продолжает действовать «конструктивное противоречие» — механизм, согласно которому столкновение интересов приводит к достижению общенациональных целей. Через какое-то время этот же механизм позволит нации обрести избранного президента, когда судебные заседания и подсчеты внесут свой неоценимый вклад в выработку приемлемого решения. Точно так же место английского языка и языков меньшинств, на которых говорят по всей стране, будет определено с помощью законодательной и судебной систем, а также общественного мнения.

Английский язык — язык «по умолчанию»

С.М. Истман использует следующие определения относительно употребления языка: «Термин “национальный язык” обозначает язык, который используется всей нацией, а не отдельной региональной или этнической группой. Как язык культурной, социальной и политической общности, национальный язык исполняет также роль национального символа» (Истман, 1999). Если исходить из этого, то английский является национальным, а не официальным языком США, поскольку он «не зафиксиро-

ван законодательно как язык официальных документов определенной нации».

Не принимался никакой государственный закон, по которому английский был бы объявлен официальным языком или чем-либо в этом роде. Но английский язык, тем не менее, выполняет роль «языка чувства» («Sentimental Language»), как называет его Истман, и является фактором, объединяющим граждан всей страны. В этом смысле роль английского схожа с ролью русского языка в бывшем Советском Союзе, за исключением того, что, по выражению Л.А. Грановля, Сталин на 17 съезде партии навязал употребление русского языка, сделав его изучение обязательным. В США тоже были попытки навязать английский языковым меньшинствам, они продолжаются и по сей день, но они никогда не были оформлены в виде федерального закона или государственной политики. В случае с США можно сказать, что английский стал языком «по умолчанию». Пользователи компьютеров подтвердят, что если никакие условия не определены, если не требуется ничего другого, более удобного или предпочтительного, то используется принцип «по умолчанию». Английский, в некотором смысле, — язык «по умолчанию» в Соединенных Штатах. Вновь прибывавшие иммигранты обнаруживали, что употребление ими родного языка допускается, но, тем не менее, в большинстве случаев за достаточно короткое время они переходили на английский язык.

Данное явление имеет место и сейчас, что следует из сравнительного анализа статистических данных за период с 1980 по 1990 г., касающихся языка, на котором люди говорят дома, и их собственной оценки уровня владения английским. В 1980 г. в США насчитывалось около 210,3 млн. человек. В 1990 г. численность населения возросла до 230,5 млн. И из того числа население, говорящее только на английском, увеличилось лишь на 6,1% за данный период. Население, не говорящее на английском дома, возросло на 38,1%, но, в противовес этому, отмечено значительное процентное увеличение (38,7%) числа лиц, оценивающих свое знание английского как очень хорошее. Таким образом, процент людей, говорящих на своих родных языках в домашней обстановке, увеличился, в то же время процент говорящих на английском языке очень хорошо весьма внушителен, несмотря на большой прирост иноязычного населения, что показано в табл. 1.

Источники: перепись населения за 1980 год, том 1, глава Д, часть 1 (PC80-1-D1-A); Бюро по переписи населения США, «Язык домашнего общения и владение английским языком в США, регионах и штатах: 1990 г.» (1990 CPN-L-133). (Кроуфорд, 2000).

Существуют и другие примеры, иллюстрирующие тенденцию к быстрому овладению английским языком, несмотря на то что официально это не является обязательным. Согласно сборнику данных по 11-й переписи для внутреннего использования Государственного департамента США, 100 лет назад, в 1890 г., в США было в 4,5 раза больше людей, не говорящих на английском языке, по сравнению с данными переписи

Таблица 1

Статистические данные о языке, на котором люди говорят дома, и об их оценке своего владения английским языком (США, 1980 и 1990 гг.)

	1980	%	1990	%	Изменения среди всех людей в возрасте выше 5 лет, %
Всего граждан	210 247 555	100	230 445 777	100	+9,6
Родной язык					
только английский	187 187 515	89	198 600 798	86,2	+6,1
не английский	23 060 040	11,03	1 844 979	13,8	+ 38,1
Говорят на английском					
очень хорошо	12 879 004	6,1	17 862 477	7,8	+ 38,7
хорошо	5 957 544	2,8	7 310 301	3,2	+22,7
не очень хорошо	3 005 503	1,4	4 826 958	2,1	+60,6
вообще не говорят с некоторыми	1 217 989	0,6	1 845 243	0,8	+51,5
«затруднениями»*	10 181 036	4,8	13 982 502	6,1	+37,3

*Включены все лица, заявившие, что они говорят на английском хуже, чем «очень хорошо».

ного происхождения на 40,7% именно в период с 1980 по 1990 г., количество людей, считающих, что у них нет никаких затруднений с английским, увеличилось больше чем на 100% (см. табл. 2).

Великий раскол

Нет более очевидного показателя государственной политики в отношении языка, чем то, каким образом проводится обучение детей. Тот факт, что регулярно публикуются тысячи страниц на тему двуязычного образования, содержащие зачастую гневные заявления, может вызывать недоумение — почему американцы устраивают скандал по поводу обычного академического вопроса? На самом деле интеллектуальная ценность этой темы не может вызвать такого интереса. Но глубже находятся гораздо более важные соображения политики, власти и прибыли, скрытые за спорами по поводу «образовательной ценности» конкурирующих подходов в обучении.

На поверхностном уровне спорящие разделились на тех, кто поддерживает «двуязычное образование», когда с самого начала все предметы преподаются неанглоговорящим на их родном языке с одновременной помощью в овладении английским языком, и на сторонников «полного по-

Таблица 2

**Языковой состав иммигрантов с учетом времени проживания в США
(1980 и 1990 гг.)**

	1980	%	1990	%	Изменения среди всех людей в возрасте свыше 5 лет, %
Всего граждан	210 247 555	100,0	230 445 777	100,0	+9,6
рождены в США	196 371 216	93,4	210 857 886	91,5	+7,4
иностранного проис- хождения.	13 876 339	6,6	19 587 891	8,5	+40,7
Недавние иммигранты (не более 10 лет в США):	5 340	100,0	8 403	100,0	+57,4
говорят дома только на английском	868	16,3	1 010	12,0	+16,4
говорят дома на другом языке	4 471	83,7	7 393	88,0	+65,4
нет затруднений с английским языком*	2 198	41,2	4 399	52,4	+100,1
Давние иммигранты (более 10 лет в США):	8 520	100,0	11 104	100,0	+30
говорят дома только на английском	3 262	38,3	3 066	27,6	-6,0
говорят на другом языке	5 258	1,78	0 377	2,4	+52,9
нет затруднений с английским языком*	5 734	67,3	1 978	62,8	+21,7

*Включены все, кто родился за пределами США и кто говорит дома только по-английски или говорит на английском очень хорошо. Источники: Dorothy Waggoner «Are current Home Speakers of Non-English Languages Learning English?» («Учат ли английский те, кто сейчас дома говорит на другом языке?») — Numbers and Needs 5, № 6, ноябрь 1995. Этот информационный бюллетень о языках и демографической ситуации можно заказать по адресу: Box G1H/B, 3900 Watson Place, N.W., Washington, DC 20016. (Кроуфорд, 2000).

гружения» учащихся в атмосферу изучаемого ими английского языка. Последние полагают, что с помощью такого обучения школьники втягиваются в процесс быстрого изучения английского языка, так как у них нет другого выбора. Помимо того что каждую из спорящих сторон поддерживают убежденные и преданные делу профессионалы, существуют еще и распространенные убеждения и ценности, которые влияют на полемику, а также столкновение личных интересов, которое усугубляет разногласия. Но не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Сторонники двуязычного образования считают, что оно даст возможность начинающим учебу в Америке продолжать изучение базовых предметов: истории, естественных наук, математики на родном языке, одновременно обучаясь английскому. По мере развития языковой компетенции английский язык накладывается на родной язык в процессе изучения предметов, и учащийся начинает одновременно овладевать лексикой обоих языков. Таким образом, предполагается, что у учащегося не пропадет интерес к школе и учебе из-за трудностей в приобретении знаний или отставания от сверстников, неизбежных при овладении новым языком. Кроме того, поскольку школьники изучают язык (или что-либо другое) индивидуальными темпами, они могут придерживаться этих темпов до тех пор, пока не достигнут достаточной языковой компетенции, чтобы далее справляться с обучением исключительно на английском языке, независимо от того, займет ли это 1 день, год или еще больше времени. Как изначально предполагалось, двуязычное образование носит временный характер и продолжается столько времени, сколько требуется учащемуся для того, чтобы достаточно освоить язык и с успехом присоединиться к основным классам.

Сторонники «полного погружения» считают, что ученик должен присоединяться к основным классам с самого начала и в процессе изучения предмета параллельно усваивать язык. Они утверждают, что ребенок, поступающий в американское государственное учебное заведение, получает превосходные образовательные возможности. В отличие от тех, кто изучает язык за границей (английский язык как иностранный), он окружен англоговорящим миром и у него есть шанс выучить английский как свой первый язык, обладая при этом преимуществом уже имеющегося опыта усвоения своего родного языка (английский язык как второй родной). Необходимость общаться, понимать и быть понятым является мощным стимулом, и каждый успешный шаг в изучении языка вознаграждается и усиливает мотивацию. Когда к этому добавляются ежедневные занятия английским языком как отдельным предметом, изучение его еще более ускоряется. При этом нет лицемерного отрицания важности изучения английского языка, поскольку эта цель является главной (сначала вы усваиваете язык, затем уже изучаете все остальное).

США — страна иммигрантов. Со времен появления Колумба в Карибском море идет непрерывный поток приезжих со всего мира, сначала из Европы, затем из Африки и позднее из Азии. Поток, иногда замедлявшийся, но никогда не прекращавшийся, продолжается, и, следовательно, проблема овладения языком находится в центре государственных интересов.

Обе существующие тенденции ориентированы на недавно иммигрировавших детей, и обе стремятся помочь им овладеть английским языком как можно быстрее, чтобы они смогли продолжить образование на этом языке. Тем не менее для многих преподавателей это не единственная цель. Некоторые преподаватели считают, что знание учащимися родного языка представляет собой скромную ценность в наше время с его сред-

ствами коммуникации, международными транспортными связями и торговлей. Не следует пренебрегать этим знанием или терять его. Преподаватели считают, что двуязычное образование следует продолжать в школе для того, чтобы учащийся был подготовлен к работе на двух языках и, по меньшей мере, в двух культурах. Кроме того, они видят ценность этого подхода в том, чтобы стимулировать овладение вторым языком и теми учениками, для которых английский язык — родной (своего рода обратный билингвизм).

Однако за всеми педагогическими спорами стоят исторические и философские мотивы, усугубляющие противостояние.

Американские «отцы-основатели» рассматривали английский как доминирующий язык и принимали другие национальные языки под американские знамена, но они разрешали преподавать в школах на немецком, испанском, голландском, французском и других языках, что и продолжалось в период между колониальной эпохой и Первой мировой войной. Согласно данным на 1900 г., примерно 600 тыс. детей в начальных государственных и приходских школах получали свое образование частично или полностью на немецком языке, что составляло 4% от всех учащихся начальных школ в то время. Этот процент, вероятно, выше, чем процент детей во всех двуязычных классах США сегодня. Там, где языковые меньшинства составляли большинство местного населения, они обычно сами управляли своей образовательной системой. Муниципалитет г. Нью Браунфелс, штат Техас, в 1850-е годы создал систему первых государственных школ в штате, и обучение в них велось в основном на немецком языке. Примерно в то же время представители племени чероки в Оклахоме ввели систему из 21 двуязычной школы и 2 академий, при этом уровень грамотности на обоих языках (как на английском, так и на языке чероки) был выше, чем в соседних Арканзасе и Техасе, где преподавание велось только на английском.

В те времена преподаватели не видели противоречий между поддержкой двуязычного образования и одновременной ассимиляцией. В 1870 г. Вильям Тори Каррис из Сент-Луиса, уполномоченный Соединенных Штатов по делам образования, даже отметил политические и социальные преимущества двуязычного образования: «Если представители отдельных национальностей будут учиться в своих (лютеранских и католических) школах, англоговорящая и немецко-американская молодежь не будут общаться, что повлечет за собой возникновение кастовых перегородок». Он был твердо убежден в том, что государственные школы выполняют миссию «американизации иммигрантов», но в отличие от других сторонников этой точки зрения считал, что этот процесс будет более эффективным, если он будет основываться на добровольных началах, а не на принудительных мерах. В Сент-Луисе его подход доказал свою успешность. После 15 лет работы немецко-английской двуязычной программы количество американских детей немецкого происхождения в государственных школах возросло с 20 до 80%.

Период после мировых войн — война слов; однако к концу Первой мировой войны говорить на других языках, кроме английского, особенно на немецком, стало означать нелояльность по отношению к Соединенным Штатам, и этот страх нелояльности, вызванный войной, укрепил кампанию «американизации иммигрантов», особенно в вопросах языка. К 1923 г. тридцать четыре штата приняли законы, запрещающие обучение на родном языке, а в некоторых случаях — и обучение иностранным языкам в младших классах. Вторая мировая война, столкнув, как и Первая, друг с другом говорящих на немецком, английском, итальянском и французском языках, также усилила тенденцию запрещения употребления в США других языков, кроме английского. Лояльность «неанглоговорящих» могла быть поставлена под вопрос. Их патриотизм мог быть подвергнут сомнению. Их связи (семейные и культурные) с другими народами в других странах подчеркивались их общим языком.

Подчеркнутое использование английского языка и отказ от употребления языков национальных меньшинств стали в США способом демонстрации патриотизма. Наиболее яростно поддерживали эту идею родители, которые говорили с акцентом: они заставляли своих детей говорить на английском и хорошо учить этот язык в школах. Американский патриотизм и использование английского языка слились в единое целое в коллективном сознании. Как следствие этого, двуязычное образование практически исчезло, и лишь в начале 1960-х годов кубинские беженцы возродили его в графстве Дейд, штат Флорида. В то же время, когда американцы мексиканского происхождения выступили против равнодушного отношения к их проблемам, они сумели добиться значительных моральных и юридических прав и получить субсидии на двуязычные выборы, а также на ведение судебной документации на двух языках и укрепления их гражданских прав.

Несмотря на расплывчатую юридическую формулировку, право родительского выбора сохраняется как один из американских политических принципов в образовании и иногда служит призывом к объединению для различных групп родителей, включая языковые меньшинства. По свидетельству Джеймса Кроуфорда, в 1889 г., когда американцы немецкого происхождения узнали, что в Иллинойсе и Висконсине в приходских и государственных школах ввели обучение только на английском, они, оставив в стороне деловые интересы, проголосовали против правящей Республиканской партии на следующих выборах, что привело к ее поражению, и вскоре аннулировали спорные постановления (Кроуфорд, 1998).

В августе 1996 г. Палата представителей одобрила законопроект, по которому английский язык становился официальным языком США, но этот законопроект не прошел через Сенат и не стал законом. На первый взгляд, сама идея кажется безобидной. Что может быть плохого в том, чтобы официально признать то, что уже признано неофициально? Английский фактически давно стал официальным языком США. Но если он получит законодательный статус, возникнут новые факторы, в том числе такие, которые повлияют на право родительского выбора в отношении

двуязычного образования. «Лингвистический шовинизм» своими корнями уходит в прошлое страны. Роберт Д. Кинг считает одного из наиболее уважаемых «отцов-основателей» — Бенджамина Франклина — виновным в поддержке подобных взглядов и в качестве примера приводит цитату из Франклина, сказавшего в 1753 г., что «те (немцы), которые приезжают сюда, в основной своей массе — самые темные невежды своей нации... Скоро их будет настолько больше, чем нас, что все наши преимущества не помогут, по моему мнению, сохранить наш язык, и даже наши правящие позиции станут сомнительны» (Кинг, 1997).

Намного позже Теодор Рузвельт, признавая концепцию «плавильного котла», сказал: «У нас есть место только для одного языка, и этим языком является английский, поскольку мы хотим, чтобы из плавильного котла появлялись американцы, люди американского происхождения, а не постояльцы пансионата для полиглотов».

В случае принятия закона об английском как официальном языке появится новый импульс для движения за упразднение «двуязычного образования» как варианта выбора родителей. В этой связи интересно заметить, что двуязычному образованию противостоят не только граждане с давними «английскими» корнями. Некоторые его наиболее ярые противники происходят из весьма отдаленных уголков мира, выступая как «ультрапатриоты», готовые доблестно защищать флаг, страну и язык от посягательств «чужаков». Организация «Американский английский», флагман движения за использование только английского языка, была основана в 1983 г. С.И. Хаякавой, бывшим сенатором США и известным лингвистом, японцем по происхождению, а председательствует там сейчас Мауро Е. Мухика, архитектор, бизнесмен и иммигрант из Чили.

Законотворчество

На рассмотрение в Конгрессе были представлены некоторые законопроекты, направленные на запрещение использования в судах каких-либо других языков, кроме английского. Согласно существующей практике судов в США, не говорящим на английском языке подзащитным предоставляется переводчик для соблюдения всеобщего равенства перед законом. В случае принятия этих законопроектов данный аспект защиты прав был бы отменен. В настоящее время правительственные обращения положено переводить на другие языки там, где значительное количество жителей говорит на другом языке, в основном на испанском. По этим законопроектам правительство не смогло бы более тратить бюджетные средства на выполнение подобных переводов, что нанесло бы ущерб вопросам здравоохранения и безопасности во многих регионах страны.

Существуют и те, кто отзывается о двуязычном образовании еще более отрицательно. Так, Марго Хорнблоуэр из Вестминстера пишет: «Двуязычное образование разрывает страну надвое в политическом смысле. Это усугубляется, с одной стороны, негативной реакцией на иммиграцию и "политику по-

зитивных действий» (политическая программа, направленная на ликвидацию расовой дискриминации), с другой стороны — неудачами и идеологическими недостатками некоторых существующих двуязычных программ» (Хорнблоуэр, 1995). Сью Дикер, председатель подкомитета «English plus» при Комитете по социополитическим вопросам TESOL, считает законы об английском языке лицемерными, подозревая сторонников таких законопроектов в злом умысле: «Общее намерение законодательства по английскому языку как официальному очевидно. Ничто в этих законах не поможет иммигрантам выучить английский, приспособиться к жизни в новой стране и преуспеть в экономическом плане. Напротив, законы об английском как официальном языке усилят маргинализацию людей, не говорящих на английском, у которых мало средств улучшить свое существование» (Дикер, 1998).

Временами в скандал, разгоревшийся вокруг двуязычного образования, вплетались и явно экономические вопросы, как то: занятость и государственные заказы. В начале 70-х в Нью-Йорке происходил беспрецедентный переполох в системе образования. До 1969 года все государственное школьное образование подчинялось единому совету по образованию и единому генеральному инспектору. Однако за предшествующее десятилетие огромный приток иммигрантов — представителей национальных меньшинств — и отток белого населения привели к резкому изменению облика города во многих отношениях. Население районов изменилось, и родители из всех этих районов требовали от образовательных учреждений реакции на их потребности. К 1969 году эти шум и недовольство заставили законодательные органы штата Нью-Йорк принять закон о создании 30 отдельных полуавтономных школьных округов, тогда как до этого был только один округ. К январю 1971 года «Нью-Йорк Таймс» написала, что состав учащихся изменился. Чернокожие учащиеся (33,6%) и испаноговорящие (25,1%) составили вместе 58,7% (а в некоторых округах — до 80%) от общего количества учеников школ, однако ни административный, ни учительский состав школ ни в малейшей степени не соответствовали этим пропорциям (NY Times, Yearly Index 1971).

Родители учеников, представляющих национальные меньшинства (в основном чернокожие и латиноамериканцы), выступили с протестом по поводу того, что школьная система не отражает ситуацию, что должности в школах (преподаватели, учителя и другие руководящие посты) в подавляющем большинстве не достаются представителям национальных меньшинств. Они хотели получить «свою долю участия» в государственной школьной системе и, что тоже важно, хотели, чтобы обучающий персонал был более чувствительным к культурным различиям, являлся образцом для детей, отождествлял себя с детьми и отвечал их потребностям. Однако бюрократическая система, в основном в лице совета экзаменаторов, по-прежнему руководила назначениями в образовательной системе. В июле 1972 года министр Чарльз Скрибнер в момент необычайной откровенности признался на встрече с деятелями образования латиноамериканского происхождения, что тот факт, что

количество преподавателей латиноамериканского происхождения не превышает 1,4% от 110 000 преподавателей государственных школ Нью-Йорка, в то время как ученики латиноамериканского происхождения составляют 25%, может быть следствием дискриминации.

После периода длительных конфликтов одним из компромиссов, достигнутых для удовлетворения чаяний этнических сообществ, стало создание новых должностей — двуязычных преподавателей — с проведением соответствующего лицензирования. В результате этого учителя-латиноамериканцы, несмотря на акцент, могли рассчитывать на признание их профессиональных достоинств и получить работу преподавателей в двуязычных классах. Таким образом, кроме ряда педагогических достоинств двуязычное образование создало условия для получения работы и улучшения финансового положения преподавателей-латиноамериканцев.

С учетом того, что за шестилетний период до 1995 года в школах г. Нью-Йорка количество неанглоговорящих учеников выросло на 49%, можно сказать, что потребность в двуязычном образовании продолжает увеличиваться. Теперь в школах преподают на испанском, китайском, гаитянском, русском, корейском, арабском, вьетнамском, польском, бенгальском и французском языках. Не каждая школа может позволить себе полный двуязычный курс, но во многих школах наряду с преподаванием на английском несколько часов в день ведется и преподавание на родном языке.

Это стало выгодно экономически не только для учителей-латиноамериканцев, но и для округов, так как они по федеральному закону «О должностях» получают компенсационное финансирование образовательных программ, в том числе и на двуязычное образование.

По иронии судьбы правительственные отчисления на языковое образование привели к конфликту среди этнических сообществ. Некоторые преподаватели афро-американского происхождения считают, что варианты английского языка, употребляемые чернокожим населением, лингвистически состоятельны и заслуживают того, чтобы стать предметом двуязычного обучения. Согласно этому мнению, бюджетные средства должны идти и на программы по приему на работу учителей, которые говорят на языке афро-американцев, предоставляя дополнительную занятость и экономические выгоды и для этой общины. Не желая делить этот «кусочек пирога», латиноамериканское сообщество решительно выступило против этой идеи и поддержало закон, препятствующий выделению бюджетных средств на развитие языка афро-американцев как отдельного языка.

«Согласно новому закону, двуязычное образование — это система образования для учеников, у которых ни английский, ни производный от английского не являются первым языком. Школьным округам запрещается расходовать бюджетные средства и ресурсы, выделенные на двуязычные программы, на развитие и преподавание диалектов, говоров или языков, происходящих от английского.» (Стат. данные за 1997 г., глава 647 (AB 1206, Мартинес), код секции образования 30,5.)

Как известно преподавателям языка, смысл слов выходит далеко за рамки их дефиниций. В данном случае очевидно, что термин «двуязычное образование» — это превосходный пример того, как политика, экономика и предрассудки могут иметь тот же вес, что и педагогика.

ЛИТЕРАТУРА

- Ваггонер Д. Статистические данные за 1980–1990 гг., опубликованные. Numbers and Needs № 5, 6, ноябрь 1995.
- Дикер С. TESOL. № 8, октябрь 1998.
- Зацепина О., Родригес Х. Двуязычное образование в США // Вестник МГУ, «Языки и межкультурная коммуникация», серия 19, 2000, № 4.
- Истман С.М. Национальные языки. Краткая энциклопедия лингвистики в сфере образования. Pergamon, 1999.
- Кинг Р. Д. «Должен ли английский стать законом?» // Атлантик, апрель, 1997.
- Кроуфорд Дж. Социальное правосудие 25. № 3, 1998.
- Кроуфорд Дж. Анатомия движения за английский язык как единственный. 1996, Конференция в Иллинойсе, опубликовано на сайте www.ourworld.compuserve.com/homepages/JWCRAWFORD, ноябрь 2000.
- Нэбитт Дж. Глобальный парадокс. Avon Books, 1995.
- Спринг Д. Американская школа. McGraw Hill, 1997.
- Хорнблоуэр М. Тайм. 9 октября, 1995.
- Шлезингер А. Разъединение Америки. W.W. Norton & C, 1992.
- Фицпатрик Дж. Одна церковь, множество культур: проблема разнообразия. Sheed and Ward, 1987.

Марк Гуревич

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ШТАТОВ США

Восемнадцать штатов США: Алабама, Аризона, Арканзас, Калифорния, Колорадо, Флорида, Джорджия, Гавайи, Иллинойс, Индиана, Кентукки, Миссисипи, Небраска, Северная Каролина, Северная Дакота, Южная Каролина, Теннесси и Виргиния — четко и понятно определяют, что английский язык является официальным языком штата.

В докладе Конгрессного научно-исследовательского отдела, представленном Конгрессу США, приводятся данные по тем штатам США, в которых по закону английский язык считается официальным языком штата (по состоянию на 31 августа 1994 г.). Цитаты из указанных юридических источников даются с точным соблюдением стиля оригинала.

АЛАБАМА

Конституция штата Алабама от 1901 г. Поправка 509

Английский в качестве официального языка штата

Английский является официальным языком штата Алабама. Законодательная ветвь власти штата должна ввести эту поправку в действие путем принятия соответствующих законов. Законодательная ветвь власти штата и должностные лица штата Алабама должны принять соответствующие меры, которые необходимы для того, чтобы сохранить и повысить роль английского как общепринятого языка штата Алабама. Законодательная ветвь власти штата не должна принимать законов, которые принижают или не учитывают роль английского как общепринятого языка штата Алабама.

Любое лицо, проживающее или занимающееся бизнесом на территории штата Алабама, должно иметь все возможности подавать судебный иск против штата Алабама в порядке соблюдения требований данной поправки, а протокольные суды штата Алабама должны обладать юрисдикцией по делам, возбуждаемым в порядке соблюдения требований данного положения. Законодательная ветвь может определить разумные и обоснованные ограничения по срокам и процедуре исков, возбуждаемых в порядке соблюдения требований данной поправки.

АРИЗОНА

Статья XXXVIII Конституции штата Аризона

1. Английский как официальный язык

РАЗДЕЛ 1

(1) Английский язык является официальным языком штата Аризоны.
(2) В качестве официального языка штата английский является языком, который используется при голосовании, в государственных школах и во всех функциях и действиях правительственных органов штата.

(3) (а) Требования данной статьи касаются:

(1) законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти штата,

(2) всех политических подразделений, министерств, агентств, организаций и органов власти штата, включая органы местного самоуправления и муниципалитетов,

(3) всех статусов, распоряжений, правил, приказов, программ и политических решений,

(4) всех правительственных чиновников и служащих при исполнении своих служебных обязанностей,

(б) фраза «Данный штат и все политические подразделения штата», используемая в данной статье, должна включать понятия любой организации, лица, действий или любого положения в рамках данного раздела в зависимости от обстоятельств.

2. Данный штат должен сохранять, защищать и расширять роль английского языка.

РАЗДЕЛ 2

Данный штат и все политические подразделения штата должны принимать разумные и обоснованные меры для сохранения, защиты и расширения роли английского как официального языка штата Аризона.

3. Данному штату запрещается использовать или требовать, чтобы применялись другие языки вместо английского. Исключения:

РАЗДЕЛ 3

(1) За исключением положений подраздела (2)

(а) данный штат и все политические подразделения штата должны использовать в своей деятельности английский и не должны применять другие языки;

(б) ни одно подразделение, упомянутое в данной статье, не должно принимать или вводить закон, приказ или политическое решение, которое заставляет использовать не английский, а другой язык;

(в) ни один правительственный документ нельзя считать действительным, действующим или соблюдаемым, если он написан не на английском языке.

(2) Данный штат и все политические подразделения штата могут вести свои дела не на английском только при любом из следующих условий:

(а) для оказания помощи студентам, которые не владеют в достаточной мере английским языком на уровне, определяемом Федеральным законом, посредством обучения на языке, который не является английским, чтобы обеспечить по возможности быстрый переход на английский язык,

(б) с учетом требований других Федеральных законов,

(в) для обучения студентов иностранному языку с учетом требований части обязательной или добровольной программы обучения,

(г) для обеспечения здравоохранения и охраны труда,

(д) для защиты прав обвиняемых в совершении преступления и жертв преступлений.

4. Порядок соблюдения и право на защиту.

РАЗДЕЛ 4

Лицо, проживающее или занимающееся бизнесом в данном штате, в целях соблюдения данной статьи должно иметь право на обращение в протокольный суд данного штата. Законодательная ветвь власти должна принять разумные ограничения в отношении сроков и процедуры возбуждения исков по данному подразделу.

АРКАНЗАС

Свод законов штата Арканзас с учетом требований

Приложения 1993 г.

Раздел 1-4-117: В отношении официального языка

(а) Английский должен считаться официальным языком штата Арканзас.

(б) Данный раздел не запрещает государственным школам исполнять свои обязанности в обеспечении равных возможностей обучения всех детей.

КАЛИФОРНИЯ

Раздел 6 статьи III Конституции штата Калифорния

РАЗДЕЛ 1:

(а) Назначение

Английский является общепринятым языком народа Соединенных Штатов Америки и штата Калифорния. Данный раздел предназначен со-

хранять, защищать и укреплять английский язык и не ущемлять какие-либо права, которые данная Конституция гарантирует народу.

(б) Английский в качестве официального языка штата Калифорния
Английский является официальным языком штата Калифорния.

(в) Порядок введения в действие

Законодательная ветвь власти должна ввести в действие требования данного раздела путем принятия соответствующих законов. Законодательная ветвь власти и должностные лица штата Калифорния должны принять все меры, необходимые для того, чтобы сохранить и расширить роль английского как общепринятого языка штата Калифорния. Законодательная ветвь власти не должна принимать законы, которые уменьшают или не учитывают роль английского как общепринятого языка штата Калифорния.

(г) Право гражданина на судебную защиту и юрисдикция судов

Любое лицо, проживающее или занимающееся бизнесом в штате Калифорния, должно иметь право судиться со штатом Калифорния в порядке соблюдения требований данного раздела, а протокольные суды штата Калифорния должны обладать юрисдикцией в отношении исков, возбуждаемых в порядке соблюдения требований данного раздела. Законодательная ветвь власти должна обеспечить разумные и соответствующие ограничения сроков и процедуры рассмотрения исков, возбуждаемых по данному разделу.

РАЗДЕЛ 2: Раздельность требований

Если какое-то положение данного раздела или применение любого такого положения в отношении лица или обстоятельств теряет исковую силу, остальная часть данного раздела в меру действия этим не затрагивается, а для этой цели положения данного раздела считаются раздельными.

КОЛОРАДО

Раздел 30 статьи II Конституции штата Колорадо

Английский является официальным языком штата Колорадо.

Данный раздел вводится автоматически. Однако генеральная ассамблея может принимать законы в порядке реализации требований данного раздела.

ФЛОРИДА

Раздел 9 статьи II Конституции штата Флорида

(а) Английский является официальным языком штата Флорида.

(б) Законодательная ветвь власти должна иметь полномочия на введение в действие требований данного раздела путем принятия соответствующих законов.

ДЖОРДЖИЯ

Законы штата Джорджия, принятые на сессии 1986 г.

Закон № 70 (Решение палаты № 717)

О признании английского официальным языком штата Джорджия.

ГАВАЙИ

Раздел 4 статьи XV Конституции штата Гавайи

В отношении официальных языков

Английский и гавайский должны считаться официальными языками штата Гавайи, за исключением того, что гавайский должен использоваться для государственных актов и мероприятий только тогда, когда это предусмотрено законом.

ИЛЛИНОЙС

Дополненные статуты Смита-Хурда в штате Иллинойс, с учетом требований Приложения 1994 г.

Раздел 460/20 главы 5: В отношении официального языка

Официальным языком штата Иллинойс считается английский.

ИНДИАНА

Статуты Бернса в штате Индиана, с учетом Приложения 1994 г.

Раздел 1-2-10-1: В отношении официального языка

Официальным языком штата Индиана считается английский.

КЕНТУККИ

Пересмотренные статуты штата Кентукки, с учетом Приложения 1993 г.

Английский признается официальным языком штата Кентукки.

МИССИСИПИ

Кодекс штата Миссисипи, с учетом требований Приложения 1994 г.

Раздел 3-3-31: В отношении официального языка штата

Английский является официальным языком штата Миссисипи.

НЕБРАСКА

Раздел 27 статьи I Конституции штата Небраска

Считать английский официальным языком штата.

Настоящим объявляется, что английский считается официальным языком данного штата и что все официальное делопроизводство, протоколы и публикации должны быть на этом языке, а все подразделения общей школы должны обучаться на этом языке в государственных, частных, сектантских и приходских школах.

СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

Общие статуты штата Северная Каролина, с учетом требований Приложения 1992 г.

Параграф 145-12. В отношении официального языка штата
(а) Назначение.

Английский считается общепринятым языком народа Соединенных Штатов Америки и штата Северная Каролина. Данный раздел предназначен сохранять, защищать и укреплять английский язык и не ущемлять какие-либо права, которые Конституция Соединенных Штатов Америки или Конституция штата Северная Каролина гарантирует народу.

(б) Английский как официальный язык штата Северная Каролина.

Английский является официальным языком штата Северная Каролина.

СЕВЕРНАЯ ДАКОТА

Столетний кодекс штата Северная Дакота, с учетом требований Приложения 1993 г.

54-02-13 Английский как официальный язык

Английский считается официальным языком штата Северная Дакота.

ЮЖНАЯ КАРОЛИНА

Уточненный свод законов штата Южная Каролина, с учетом требований Приложения 1993 г.

Параграф 1-1-696. В отношении официального языка штата

Английский считается официальным языком штата Южная Каролина.

Параграф 1-1-697. О запрещении использовать другие языки, кроме английского

По закону, постановлению, правилам, указу, программе или политическому решению Правительство штата или какое-либо политическое под-

разделение не должно требовать использования любого языка, кроме английского, однако при условии, что ничто в параграфах 1-1-696 — 1-1-698 не должно запрещать агентству штата или политическому подразделению штата требовать, чтобы заявитель или проситель владел в определенной степени иностранным языком как условие для получения соответствующего рабочего места.

Параграф 1-1-698. Исключения к запрету использовать не английский, а другие языки

Разделы 1-1-696 — 1-1-698 не запрещают любые другие закон, постановление, распоряжение, указ, программу или политическое решение в отношении обучения не на английском, а на другом языке с тем, чтобы студенты, использующие не английский, а другой язык, овладели английским, или с тем, чтобы студенты овладели языком в дополнение к английскому.

ТЕННЕССИ

Уточненный свод законов штата Теннесси, с учетом требований Приложения 1993 г.

Раздел 4-1-404. Английский и юридический язык

Настоящим постановляется, что английский является официальным и юридическим языком штата Теннесси. Все акты общения и публикации, включая голосование, исполняемые правительственными органами в штате Теннесси, должны быть на английском, а обучение в государственных школах и колледжах штата Теннесси должно проводиться на английском, если нет иных указаний по этому поводу с учетом характера курса обучения.

ВИРГИНИЯ

Свод законов штата Виргиния 1950 г., с учетом требований Приложения 1994 г.

Раздел 22. 1-212.1. Английский как официальный язык

Английский должен считаться официальным языком штата Виргиния. Школьные советы не должны нести ответственность за обучение по стандартным учебным программам на языке, который не является английским, за исключением курсов обучения иностранным языкам. Школьные советы должны обеспечивать обучение на английском языке, который служит средством обучения студентов, для которых английский является вторым языком.

Т. Лобачев

МЕКСИКАНКА СУДИТСЯ С АНГЛИЙСКИМ ЯЗЫКОМ

Защита прав человека в Америке поднялась на новую, невиданную высоту: взялись за английский язык, то есть — единственный государственный язык страны. Похоже, что недалеко то время, когда статус его как такового может пасть под ударами правозащитников.

Воду опять мутят юристы. Причем не просто юристы, а судьи Верховного, то есть конституционного суда страны. Они взяли на рассмотрение дело, последствия которого могут быть очень далеко идущими. Дело возбуждено мексиканской иммигранткой. А иммигранты, причем неанглоязычные, в Америке, как известно, становятся все активнее.

Так вот, некая Марта Сандовал подала в Верховный суд США на власти солнечного штата Алабама, полномочные представители которых в лице доблестной и неподкупной (в Америке) дорожной полиции лишили ее водительских прав. Причем отнюдь не за проезд на запрещающий сигнал светофора, вождение автомобиля в нетрезвом виде или превышение скорости на более чем 50 миль в час. Нет. Они лишили ее прав за плохое знание английского языка. Дело в том, что в этой самой Алабаме, с незапамятных времен славящейся своим расистским прошлым, есть такой закон — о монополии английского языка во всем, что не касается частной жизни говорящих. Соответственно, экзамены на водительские права тоже проводятся на английском языке. А поскольку во время этих экзаменов предусмотрена, как и у нас, определенная техническая часть (вопросы типа «что делать, если у вас сел аккумулятор», не сложнее), то нужно не только уметь водить машину, но и знать сугубо технические термины, которых иммигранты, тем более свежие, конечно же, не знают.

Дело усугубляется тем, что вышеупомянутая Марта вовсе даже не является американской гражданкой, и поэтому она особенно возмущена тем, что ее заставляют сдавать экзамен на права по-английски. Ее возмущение могло бы быть еще сильнее, если бы она знала, что в некоторых штатах иммигрантам как раз идут навстречу и принимают у них экзамены на их родном языке. Но бедная Марта, скорее всего, этого не знает.

Правомерность английского языка как монопольного языка американского межнационального общения, конечно же, в суде прямо и в грубой форме под сомнение не ставится. Однако истец апеллирует к осново-

полагающему закону — акту 1964 года о гражданских правах, запрещающему всякую дискриминацию, основанную на национальном признаке. Поскольку таковая дискриминация в законе 1964 года запрещена во всех учреждениях, получающих в той или иной форме государственные деньги (отношения в частном секторе регулируются по-другому), то Департамент автотранспортных средств (так называются американские аналоги нашего ГИБДД) Алабамы должен этому закону подчиниться, ибо под эту категорию подпадает.

Правозащитные организации с большим вниманием следят, чем же закончится дело, создающее очень важный прецедент: речь идет о том, что если прецедент действительно состоится, то можно будет по всякому правозащитному поводу подавать на власти штатов в Верховный суд, не дожидаясь, пока федеральные органы (как происходит сейчас на основании практики, сложившейся на основе закона 1964 года) обратят внимание на те или иные факты сегрегации или притеснений. Процесс в результате может принять неконтролируемый и обвалный характер. Тем паче что количество неангlosаксов и людей, для которых английский язык, англосаксонские ценности и американская система вообще, сложившаяся на основе как раз таких ценностей, не представляет никакой ценности, неуклонно растет (в силу нынешних демографических тенденций в США). Более того, вся эта система для них чужеродна.

Уже сегодня ясно, что большинство подобных исков будет исходить именно от так называемых национальных и прочих меньшинств и иски эти будут охватывать самые различные области — от языковых до бизнес-стандартов. Так, многие крупные компании уже всерьез озабочены тем, что давление меньшинств приведет к хаосу в области всей нынешней системы регулирования бизнеса.

«Газета.ру» в Интернете. 18 января 2001 г.

Э. Г. Карху

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИНЛЯНДИИ

Финны нередко сравнивают свою страну в языковом и этнокультурном отношении с островом между двумя более обширными культурно-языковыми материками — германо-скандинавским и славянским. Финляндия испытывала влияния и с запада, и с востока, принято говорить даже о двух исторически сложившихся разновидностях финской культуры — западно-финской и восточнофинской. Различия проявлялись и продолжают проявляться в типе крестьянских жилищ и особенностях сельского ландшафта, в народных диалектах и психологии жителей, в церковно-конфессиональных отличиях, когда наряду с лютеранством сохраняется православие, преимущественно в восточных районах страны.

Всему этому имеются свои исторические причины. В течение шести веков (XII–XVIII вв.) Финляндия являлась провинцией Швеции, а в 1809 г. она была присоединена к России на правах конституционной автономии. От шведских времен она унаследовала не только шведские законы, но и господство шведского языка и культуры. Причем если в составе Швеции финны составляли по отношению ко всему населению королевства этническое меньшинство, то в рамках автономии уже финляндские шведы стали количественным меньшинством, примерно одной десятой частью населения, хотя в сословном обществе за ними сохранилось господствующее положение.

Финнам предстояла долгая борьба за свои социальные и национальные права. Российское правительство, заинтересованное в ослаблении прошведских настроений в Финляндии, до некоторой степени поддерживало финское национально-культурное движение, пресекая, однако, политическую оппозиционность и сепаратистские тенденции.

Тем не менее XIX век, особенно вторая его половина, и затем первые десятилетия XX века стали для Финляндии важнейшим этапом формирования финской нации. Поскольку положение Финляндии и в период автономии оставалось зависимым и непосредственная политическая деятельность была затруднена, на первый план в созидании нации выдвинулись культурные задачи. Это хорошо осознавал Ю.В. Снельман, главный идеолог финского национального движения, в начале 1840-х гг. провозглашавший тезис: «Финляндия ничего не может взять силой — в культуре ее единственное спасение». Эту мысль уже с оценкой результата куль-

турной работы подтверждают слова современного писателя и публициста Арво Сало: «Финская нация рождалась с книгой в руке».

Едва ли не главнейшей задачей стало создание современного общенационального литературного языка. Исследователи-языковеды выделяют три периода развития финского литературного языка: 1) период старофинского книжного языка, созданного Микаэлем Агриколой в середине XVI века в связи с лютеранской Реформацией на основе западнофинских диалектов и просуществовавшего без коренного обновления вплоть до начала XIX века, преимущественно для издания церковных книг; 2) период раннесовременного финского литературного языка, длившийся до 1880-х гг. и примечательный, в частности, усиленным созданием новой лексики на более широкой диалектной основе — новые слова создавались тысячами, хотя людей, писавших по-фински, было еще мало; 3) период современного литературного языка, достигшего к концу XIX века относительной зрелости и удовлетворявшего новые культурные запросы. Споры между сторонниками финского и шведского языков были долгими и не лишены односторонности. Шведы не верили в возможность финского языка стать языком культурной нации, у шведского литературного языка были более длительные и богатые традиции, он связывал финнов со Скандинавией и германским миром, владение шведским языком считалось признаком интеллигентности. А финские крестьяне веками воспринимали шведский как «господский» язык, на котором с ними разговаривали чиновники и которого они не понимали.

Обострялась борьба за правовой статус финского языка, на котором говорило девять десятых населения страны. В 1863 г. вышел рескрипт, которым устанавливался двадцатилетний срок, по истечении которого чиновники волостного уровня должны были принимать прошения от крестьян и давать ответы на финском языке. Центральные органы власти все еще оставались шведоязычными. Равноправными финский и шведский языки провозглашались указом 1902 г., однако возникало немало помех для его практического осуществления. Со стороны Петербурга были попытки русификации: согласно Манифесту 1900 г., единственным государственным языком для финляндских чиновников объявлялся русский, но в 1906 году в связи с обострившимся политическим кризисом этот Манифест был отменен вместе с другими ограничениями финляндской автономии.

В демократизации финского общества и в регулировании языковых споров немалую роль сыграли политические события 1905–1907 гг.: был отменен сословный сейм, в котором тон задавали представители шведских дворянских фамилий; возник однопалатный парламент на основе равного и всеобщего избирательного права, включая женщин; ширилась культурно-просветительная деятельность социал-демократических организаций, активизировались народные массы, их голос на родном языке в защиту своих прав звучал все требовательнее. Сам финский язык обретал политический вес.

После провозглашения государственной независимости Финляндии в декабре 1917 г. и трагических событий последующей гражданской войны была принята в 1919 г. новая Конституция; в ее 14-й статье оба языка, финский и шведский, объявлялись государственными и равноправными. В 1922 г. вышел более детальный закон о языках, регулирующий их функционирование в зависимости от этнического состава населения каждой отдельной территории.

Финляндские шведы традиционно населяют прибрежные территории Ботнического и Финского заливов, острова Аландского архипелага. Административно Финляндия в настоящее время делится на 452 коммуны (kunta). По числу жителей коммуны бывают очень разные: столица Хельсинки с полумиллионным населением образует одну коммуну, а в некоторых сельских коммунах может насчитываться лишь несколько сот человек. Коммуны подразделяются на двуязычные и одноязычные. К первым причисляются коммуны, где жителей, относящихся к языковому меньшинству (либо финнов, либо шведов), не менее 6% от общего количества. Таких двуязычных коммун в Финляндии в настоящее время 43, из них 21 с преобладанием финнов и 22 с преобладанием шведов. Одноязычных шведских коммун 21, все остальные коммуны являются финноязычными. Этнический состав коммун по закону полагается уточнять каждые десять лет с целью возможного изменения их языкового статуса. Законом предусматривается также, что административный персонал в двуязычных коммунах обязан владеть обоими языками, для чего проводится экзамен перед вступлением в должность. Для руководителей общегосударственного масштаба языковой экзамен установлен более строгий, и, видимо, это правило соблюдается. Бывая в Финляндии, можно заметить, что когда, скажем, для телепрограммы на шведском языке берется интервью у министра или политического деятеля с финской фамилией, беседа все же ведется по-шведски. К этому привыкли в двуязычной стране, где дети уже со школьных лет обязаны учить оба государственных языка независимо от того, какой из них является для них основным. Тем более не пристало нарушать это узаконенное правило министрам и президентам.

На особом положении находятся Аландские острова, населенные шведами и являющиеся автономной территорией. В период образования независимой Финляндии на Аланды претендовала Швеция, ссылаясь на этнический состав населения (примерно 30 тыс. человек). С помощью Лиги Наций спор решился в пользу Финляндии — но с признанием шведского языка единственным государственным языком на Аландах. Их жители имеют свой местный парламент (ландстинг), только им дано право владеть земельной собственностью на Аландах, их не призывают на военную службу, поскольку островной архипелаг является по традиции демилитаризованной территорией. Благодаря автономии Аланды и сегодня остаются своего рода заповедником шведского языка и культуры в Финляндии.

На практике все это означает, что в пределах закона граждане Финляндии, финны и шведы, имеют право на то, чтобы на их родном языке

осуществлялось судопроизводство, административно-государственная, образовательная, культурная, религиозно-конфессиональная деятельность. Также в вооруженных силах страны закон разрешает пользоваться обоими ее языками.

У финляндских шведов есть своя школьная система, свой шведский университет в Турку (с филиалом в Ваазе) и некоторые другие высшие учебные заведения, свои шведские кафедры по основным дисциплинам в Хельсинкском университете, свои шведские театры в ряде городов, свои регулярные радио- и телепередачи, свои книгоиздательства и периодическая печать, включающая три десятка различных журналов и около двадцати ежедневных и еженедельных газет. В Финляндии ежегодно издается до трехсот шведских книг. Лютеранская церковь имеет свою шведоязычную епархию с центром в Порвоо, в которую входят свыше восьмидесяти церковных приходов. Для трехсоттысячного шведского населения Финляндии все это составляет немалую культурную силу.

Финляндия традиционно сохраняет тесные экономические и культурные связи со Скандинавией, особенно со Швецией, тем более что в настоящее время в Швеции проживают около трехсот тысяч финнов — примерно столько же, сколько шведов в Финляндии. Приток финских поселенцев в Швецию происходил давно (северный пограничный округ Торнеолааксо с устойчивым финским населением); новая волна усиленной эмиграции наблюдалась в 1960–1970-е гг., что привело к необходимости организации культурно-образовательной и конфессиональной жизни местной финской диаспоры, к открытию отделений финского языка в университетах Стокгольма и Упсалы. Эти вопросы решались во многом на двустороннем межправительственном уровне с учетом интересов обеих стран.

Финляндские шведы остаются — в количественном, культурном, экономическом отношении — наиболее значительным этническим меньшинством в Финляндии. Законодательное обеспечение их прав считается образцовым на международном уровне и нередко ставится в пример.

В 1990-е гг. официальный правовой статус получили в Финляндии еще три языка: саамский, цыганский и язык жестов особой группы людей с ограниченными возможностями общения. Проблемы этих меньшинств решаются теперь на правительственном уровне с оказанием государственной поддержки.

По последним сведениям, в Финляндии проживают свыше 6,8 тыс. саамов, представителей коренной национальности, и около 10 тыс. цыган, являющихся финляндскими гражданами.

Финляндские, норвежские, шведские саамы и саамы на Кольском полуострове уже в течение двух веков привлекают к себе внимание лингвистов, фольклористов и этнографов, однако вопрос о законодательном обеспечении прав этой древней народности возник относительно недавно, причем саамы разных стран стремятся действовать сообща под эгидой

Северных стран, а в 1995 г. в Финляндии был учрежден по саамским проблемам (согласно обновленной редакции 14-й статьи Конституции) представительный орган парламентского типа — Саамское народное собрание. Финляндские саамы живут ныне по всей стране, и голосование в выборный орган происходит по почте. В Саамское народное собрание был избран 21 депутат, есть правление и постоянно действующий секретариат (с центром в лапландском селе Инари), поддерживается связь с правительственными инстанциями и разрабатываются проекты, выпускаются учебники на саамском языке и выделяются средства из госбюджета. Оживлению интереса к саамским проблемам способствовало возникновение университета в лапландском городе Рованиemi.

Аналогичные выборные органы есть у саамов Норвегии (где их 40 тыс. человек) и Швеции (15 тыс.). Они координируют свои действия.

Еще в 1956 г. в Финляндии был создан правительственный орган по изучению положения цыган. Первоначально в Совецательную комиссию по делам цыган входили только правительственные чиновники, но в 1990-е г. в нее включили также представителей цыганской диаспоры. Язык цыган стал преподаваться в некоторых школах — по два урока в неделю с охватом пока 250 учеников. В связи с улучшением социальных и жилищных условий, изменением культурных потребностей цыгане отказались от кочевого образа жизни.

Относительно новым явлением для Финляндии стала массовая репатриация финнов-ингерманландцев из России, начавшаяся в 1990 г. по соответствующему указу президента Мауно Койвисто. Едва ли финские власти предполагали, что репатриация достигнет таких масштабов. Ежегодно репатриантов прибывает около двух тысяч, их общее количество уже превысило двадцать тысяч, и более десяти тысяч желающих выехать ожидают своей очереди, подав документы в финские консульства. Специалисты полагают, что, несмотря на ограничения, количество репатриантов может достигнуть пятидесяти тысяч человек, что может стать серьезной проблемой.

Дело в том, что условия жизни в СССР и затем в России были таковы, что без школьного образования на родном языке большинство ингерманландских финнов, особенно молодые поколения, совершенно забыли язык предков. Они выросли в русской среде, и им предстоит многому переучиться в Финляндии. Их прежние профессии часто не находят применения, более половины из них не могут найти подходящей работы и живут на социальные пособия. Все это создает проблемы и для властей, и для финского общества. Переезды из страны в страну нередко оборачиваются психологическими неожиданностями: в России человек чувствует себя вроде бы финном, а в Финляндии он начинает сознавать себя наполовину русским, да и окружающие воспринимают его таковым. На вульгарном уровне это звучит так: там ты был «чухной», а здесь ты «рюссия».

Приезд ингерманландских иммигрантов, владеющих пока русским языком лучше, чем финским, отчасти повлиял на появление новых рус-

скоязычных изданий в Финляндии. Там еще с петровских времен и затем в XIX веке накапливались русские переселенцы, а в XX веке к ним добавились беженцы и эмигранты. В зависимости от политической атмосферы в Финляндии к ним не всегда относились терпимо, но интерес к русской культуре и русскому языку не иссякал. В Хельсинки и сейчас существует русская гимназия, в ряде университетов имеются славянские кафедры.

Свою роль продолжает играть то, что часть финляндских граждан, преимущественно карельских этнических корней, придерживается православной веры. Отношения между национальными Церквями и их иерархами не были простыми; определенную трудность для финской Православной Церкви представлял перевод богослужений на доступный пастве финский язык с соблюдением традиционной литургии, равно как адаптация при крещении восходящих к православным святым имен, что было в обычае у карелов. Наблюдалась тенденция «финнизировать» имена и православные тексты, в чем сказывалось подчас не только стремление к доступности, но и желание быть менее зависимым от московского патриархата. Тем не менее глубокое влияние православия на финскую культуру бесспорно и никогда не отрицалось серьезными исследователями.

У каждого народа — свой исторический опыт, который накладывает отпечаток на национальную психологию. Финны долго и трудно продвигались к своей независимости и при решении всех вопросов, связанных с ней, проявляют повышенную осторожность. В отличие, скажем, от Швеции, где каждый восьмой житель — недавний иммигрант из какой-либо другой страны, европейской, азиатской, африканской или латиноамериканской, финны в своей иммиграционной политике пока что ведут себя довольно сдержанно. Иностранцев граждан в Финляндии на сегодня менее двух процентов. Финны потратили слишком много сил для создания «финской Финляндии», чтобы от нее отказаться.

Нечто аналогичное наблюдается в истории финского литературного языка, отличающегося относительным пуризмом. Еще Элиас Лённрот, создавая новый язык и предлагая сотни новых слов, предостерегал, чтобы не злоупотребляли иностранными заимствованиями, а выводили новые слова из финских корней. Конечно, за многие века шведского господства в народный финский язык проникло много шведских слов, но это происходило стихийно по мере их усвоения народом. Когда же новый литературный язык создавался чрезвычайно интенсивно усилиями немногих энтузиастов, обилие иностранных заимствований могло сделать его малопонятным народу. И развитие нового литературного языка пошло по линии пуризма. Наверное, мало найдется в Европе таких языков, в которых отсутствовали бы, например, столь распространенные интернациональные слова, как *литература, университет, студент, грамматика, республика, капитал*, а из новейших — *компьютер, брифинг, эйфория, эксклюзивный* и сотни других. Финны стараются заменить их своими финскими новообразованиями, хотя обойтись совершенно без заимствований невозможно.

Мир интернационализируется, глобализируется и технологизируется. Финляндия вступила в Европейский союз и открыла шире свои границы. О последствиях этого в Финляндии много спорят, созданы научные центры для прогнозирования национального будущего с учетом мирового развития.

От слишком далеких прогнозов реалистические умы воздерживаются, считая, однако, что в обеспечении будущего и в сохранении национальной самобытности многое зависит от воли самой нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск, 1999.
 Хяккинен К., Цеттерберг С. Финляндия вчера и сегодня. Йонкар-Ола, 1997.
 Шлыгина Н. Финляндские шведы // Этнические меньшинства в современной Европе. М., 1997. С. 172—193.
 Allardt E., Starck Chr. Vähemmistö, kieli, yhteiskunta. Turku, 1981.
 Lönnqvist B. Suomen ruotsalaiset. Jyväskylä, 1981.
 Suomi. Maa, kansa, kulttuurit. Helsinki. 1999.